SUCCUBE BOURMEESTER

Рѣб.-10р. Кѣб. 15р
Брон. тѣ (Нв.)

МК XIX / 8°К

Крылов, И. А

Рис. съ нат. К. Оленинъ. Я Гравир. Ив. Фридрицъ.

И. А. КРЫЛОВЪ.

МК
Кл. Д

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА,

ВЪ СЕМИ КНИГАХЪ.

Рисов. И. Иванов. Гравир. С. Галактіоновъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1825.

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА.

ВЪ СЕМИ КНИГАХЪ.

НОВОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

У КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА СЛЕНИНА.

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 30 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

Съ благоговѣніемъ и душевною
благодарностію всеподданнѣйше
посвящаетъ

Иванъ Крыловъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Рис: А. Зауервейтъ. Грав: И. Ческій.

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

БАСНИ.

I.

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ пашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.
Такихъ коней и взнуздывать напрасно,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
Ну, право вздумалъ я прекрасно!
И, въ поле выѣхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выступкой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша Сѣдока.
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивой:

Вскипѣла кровь его и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ попавши ногъ,
До смерти не убился.
Узнавши смерть его Сѣдокъ,
Мой бѣдный Конь, сказалъ: я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы не снялъ я съ тебя узды;
Управилъ бы навѣрно я тобою:
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бъ самъ толь жалкой не погибъ.

Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

II.

ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все невпрокъ:
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру.
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужь собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ; Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перушки, какой носокъ!
И вѣрно ангельской бышь долженъ голосокъ.

Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица:
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова;
Отъ радости въ зобу дыханье спёрло.
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ: съ нимъ была плутовка такова.

III.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
Поистинѣ, ропщешь ты вправѣ на природу,
Сказалъ онъ: воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду;
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межь тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ;
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,

Какъ будто огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ всѣ бурей; мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужь ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.
Я вижу, какъ ты добръ, сказала Трость въ отвѣтъ;
Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Я гнусь, но не ломаюсь;
И бури мало мнѣ вредятъ;
Едва не болѣе ль тебѣ они грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!
Едва лишь это Трость сказала;
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится: къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ: и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

IV.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ ошкушать;
Но умыселъ другой тушъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя запрещало
И закружилась голова.
Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ:
Чѣмъ любоваться тушъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ.
То правда, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ,
Они немножечко дерутъ;
За то ужь въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

А я скажу: по мнѣ ужь лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

V.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили:
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужь вѣрно тамъ,
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть:
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земнаго круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
Куда ты, говоритъ сквозь слезъ ему другой:
Что пользы по свѣту шаскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный, когда меня тебѣ не жаль;
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужь я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ и малъ;

Да, чу, и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это вѣрно къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой:
Куда жь еще тебѣ летѣть, не разумѣю.
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.
Все стану надъ тобой бояться я несчастья.
Чуть тучка лишь надъ головой;
Я буду говорить: ахъ, гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?
Разтрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика:
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
Не плачь, мой милый, такъ онъ друга утѣшаетъ:
Я на три дни съ тобой, не больше, разлучусь:
Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ,
И, осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все раскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной.

Тушъ (дѣлать нечего) друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ: вдругъ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался.
Кой-какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ Голубокъ;
Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло;
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ; летитъ и видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился: въ сѣти тутъ попалась наша птичка.
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется.
По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:
Ошколь ни взялся ястребъ злой.
Не взвидѣлъ свѣта Голубъ мой:
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы вкорошкѣ, совсѣмъ истощены!
Ужь когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужь холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ...

Тогда орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой:
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межь тѣмъ нашъ Голубь милой,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ Голубка
(Сей возрастъ жалости не знаетъ),
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу, лѣкаря и помощь видитъ въ ней:
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы, которые обѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите
И въ дальній путь такой пускайтеся невдругъ!
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше;
Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

VI.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться;
Она завистлива была:
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
Смотри-ка, Квакушка, что буду ль я съ него?
Подругѣ говоритъ. — Нѣтъ, кумушка, далеко! —
Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я? — Почти что ничего. —
Ну, какъ теперь?—Все тожь.—Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мѣлкая, какъ знатный дворянинъ?

VII.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Прошиву дерзости искуствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малой и большой,
Часа не страшя, собрался,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли шутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?
Ей съ возу курица кричитъ.
Вѣдь, говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ. —
Мнѣ что до этаго за дѣло,
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Тамъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;

А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, Хохлаточка: счастливый путь!
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ моритъ Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься:
Попался, какъ ворона въ супъ.

VIII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вотъ входитъ къ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть: да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отыщу секретъ и Ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою.
Вотъ за Ларецъ принялся онъ;
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ:
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ, не такъ, не тамъ. Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ устылъ,
Отъ Ларчика отстылъ,
И, какъ открыть его, никакъ не догадался:
А Ларчикъ просто открывался.

IX.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Люшѣйшій бичь небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуешъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настижь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.
Неутомимая, какъ сѣно коситъ ихъ.
А шѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ.
Тѣ жь звѣри, да не шѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви вспоминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужь веселье!
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.

О други, началъ Левъ, по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
И такъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякой вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, или невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ (за что?) совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда, кто безъ грѣха,
Случалось, дралъ и паству ха:
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно.

О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты,
Лисица говоришъ, въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
При томъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ихъ царь изволитъ кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ
Ихъ чаще такъ учитъ: имъ это подѣломъ.
Безхвостный этотъ родъ лишь глупой спѣсью дышетъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ.
Окончила Лиса. За ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву тоже говорятъ:
И всякой доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь, и Тигръ, и Волки, въ свой черёдъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ:
И всѣ, кто былъ зубкомъ, иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычитъ: и мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы

Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавой натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ.
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ мѣдвѣди, тигры, волки:
Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣстъ! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принестъ богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и шѣла намъ спастъ и нравы отъ заразы:
По немъ у насъ и моръ такой.
Приговорили,
И на костеръ Вола взвалили.

И въ людяхъ также, говорятъ,
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

X.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кочу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: куда оно
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы право былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хотъ видно,
Да сытно.

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

XI.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да вотъ, что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, умёнъ,
И въ леншахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ,
(Красавица была немножко прихошлива):
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жь можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнашные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да, жаль, карманы пусты;

То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ:
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи; годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали;
Да только женихи середней ужь руки.
Какіе простаки,
Твердитъ красавица: по нихъ ли я невѣста?
Ну, право ихъ зашѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ будто бъ я себя замужствомъ торопила.
Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела:
День весела, и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ни чуть мнѣ не пристойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣже,
Ужь стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ
Никто нейдётъ.
Еще минулъ годокъ; еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлётъ.
Вотъ наша дѣвушка ужь стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):

Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь,
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости, какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ, ее зовутъ ужь на бостонъ!
Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужествомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мущинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присвашался, пошла:
И рада, рада ужь была,
Что вышла за колѣку.

XII.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ.
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ, о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жь бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ; на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву.
Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;

И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Пишья мутитъ ему никакъ я не могу.
По этому я лгу?
Негодный, слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этаго, пріятель, не забылъ.
Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,
Ягненокъ говоритъ. Такъ это кумъ, иль сватъ,
И словомъ, кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.
Ахъ, я чѣмъ виноватъ! Молчи: усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

XIII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмѣжевали.
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъОсловъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ: не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
Смотрите же, кричитъ одинъ, не унывай:
Я запяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо,
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,

Не принимать тѣхъ на Парнасъ.
Одобрили Ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занёсъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазаныхъ колёсъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье,
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XIV.

ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спѣсь наказанъ Комаромъ:
Вотъ, что я слышалъ стороною.
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара; обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ рапникъ, самъ трубачь, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ;
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва пустился,
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не труситъ:
Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосетъ.

Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ:
Скрежещетъ въ ярости зубами
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ:
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ, или пожаръ.
И кто жь? Камаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.
Рвался, метался Левъ, и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ;
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

XV.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты.
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ,
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И ѳиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣряшъ слѣпо;
Какъ вдругъ, о чудо, о позоръ!
Заговорилъ Оракулъ вздоръ:
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;
И кто къ нему за чѣмъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ нёмъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
И такъ,

Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не пугалъ врагъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ (правда ль?), будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XVI.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонекъ подъ Рощей тлился;
Какъ видно шутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу Огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
Скажи мнѣ, Роща дорогая,

Зачто твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?
За тѣмъ, что вся въ снѣгу;
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу:
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
Бездѣлица: Огонь ей продолжаетъ,
Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу.
Я солнцевъ брать, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало;
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ:
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною;
Дай у себя мнѣ уголокъ!
Вотъ дѣло слажено: ужь въ Рощѣ Огонёкъ
Становится Огнемъ. Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтьвямъ, по сучкамъ;

Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вкругъ обьемлетъ.
Погибло все въ конецъ: и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

XVII.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ неблагородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить.
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и не сродно;
На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ;
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь сънебесъ
И плотно такъ онъ трепнулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ Лягушки ногъ

Въ испугѣ пометались;
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вершопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ:
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ; и то
Украдкой, издали, сквозь апръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не приглядѣлся свѣтъ;
То и онѣ сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужь и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Не много погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.

**

Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго права:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого.
За то ужь у него
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ; то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великій недочётъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя инаго;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что наконецъ ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.
Почто жь вы прежде жить счастливо не умѣли?

Не мнѣль, безумныя, вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь; такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ; такъ этотъ очень лихъ:
Живите жь съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!

XVIII.

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
Ужь пусть бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужь смотришь вонъ изъ свѣта!
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ Юноши сосѣднихъ разсуждали.
Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали;
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Не ужь ли будешь ты вторый Маѳусаилъ?
Оставь, Старинушка, свои работы:
Тебѣ ли зашѣвать толь дальніе расчёты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:

Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой;
А старику пора знакомиться съ могилой.
Друзья, смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ,
Издѣтства я къ трудамъ привыкъ:
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю;
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все къ своей лишь прибыли трудится;
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что, если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:
И это для меня ужь плодъ.
Да можно ль и за то ручаться наперёдъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживётъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ.
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, все море поглотило.

Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Старичекъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XIX.

ОРЕЛЪ И КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью царь пернатый птицъ леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ незавидной;
Но у царей свои причуды есть:
Быть можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи ему по чину сѣсть

Ни дуба, ни скалы гранитной:
Не знаю, что за мысль, но только что Орелъ
Немного посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая насѣдка,
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
Зачто Орлы въ чести такой?
Не ужь ли за полетъ, голубушка-сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать Орловъ честнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ:
Да ты же видѣла сей часъ,
Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры.
Орелъ ошвѣшствуетъ, наскуча вздоромъ шѣмъ:
Ты права, только не совсѣмъ;
Орламъ случается и ниже Куръ спускаться,
Но Курамъ никогда до облакъ не подняться.

Когда таланты судить ты;
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XX.

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились: и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слезаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута ширанитъ съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагружёнъ,
Что лошади хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ Мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ присшяжной;

То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится;
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ шныряетъ межь людей;
Ну, словно оптупщикъ на ярманкѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто,
Никакъ помочь не хочетъ.
Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаетъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искать на ужинъ:
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межь тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, понемногу,
Вступилися на ровную дорогу.
Ну, Муха говоритъ: теперя, слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужь дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носятъ.

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XXI.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто Обезьянъ видалъ; тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтьвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ право нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ

Онъ такъ сберется,
Что не видашь ни рукъ, ни ногъ.
Ужь мы ль на все не мастерицы:
А эшаго у насъ искуства не видашь,
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ эшо перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдешъ, тогда мы тотчасъ.... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти имъ оставилъ.
Что жь, говорятъ онѣ, и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться и завиваться;
Кричашъ, визжашъ; веселье хоть куда.
Да вошъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться.
Хозяинъ между тѣмъ смеръгъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ чтобъ на ушёкъ,
Да ужь никто разпутаться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXII.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинакой,
Въ дали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны: что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,

Кромѣ волковъ или медвѣдей.
И точно встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужь разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишиньки тошнится,
И Мишинькой не можетъ нахвалишься.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по долам, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ Медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишинька усталъ,

И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ пустный, Мишка другу:
Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла;
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчи жь, ужь я тебя воструху!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хватъ друга камнемъ въ лобъ:
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался;
И Мишинъ другъ лежатъ надолго тамъ остался.

XXIII.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помершвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужь дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужь не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодной?
Злой тоской удручена
Къ Муравью ползетъ она.
Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!
Кумушка, мнѣ странно это:

Да работала ль ты въ лѣто?
Говоритъ ей Муравей.
До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ, что голову вскружило.
А, такъ ты ... Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.
Ты все пѣла? Это дѣло:
Такъ поди же, попляши!

XXIV.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Маршышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали ноты, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужекъ подъ липки
Плѣнять своимъ искуствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
Стой, братцы, стой: кричитъ Маршышка, погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишинька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ второры;
Тогда пойдетъ ужь музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы.
Разсѣлись, начали кваршетъ;
Онъ все-таки наладъ нейдетъ.
Постойте жь, я сыскалъ секретъ,
Кричитъ Оселъ: мы вѣрно ужь поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все кваршетъ нейдетъ наладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
Пожалуй, говорятъ, возми на часъ терпѣнье,
Чтобы кваршетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?
Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,
Имъ отвѣчетъ Соловей;
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Рис: И. Ивановъ. Грав: Ѳ. Іорданъ.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

БАСНИ.

I.

ЧИЖЬ И ЕЖЬ.

Уединеніе любя,
Чижь робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не зачто: такъ какъ-то пѣлось.
Вотъ въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ стрѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижь замолкъ. Ты что жь,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежь,
Пріятель, не поёшь?
За тѣмъ, что голоса такаго не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ,
Сквозь слезъ Чижь бѣдный отвѣчалъ;
А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ АЛЕКСАНДРА пѣлъ.

II.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,
И что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала;
И шлетъ къ товарищамъословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча право недурная!
Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежь располагаетъ,
И говоритъ: мы, братцы, вчетверомъ;

И на четверо онъ оленя раздираетъ.
Теперь давай дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

III.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ;

Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самый шароватой
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится.
Ни тутъ-то: море не горитъ;
Кипитъ ли хошь? И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились зашѣи величавы?
Синица со стыдомъ всвояси уплыла;
Надѣлала Синица славы,
А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что, дѣломъ не сведя конца,
Не надобно хвалишься.

IV.

ОСЕЛЪ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя;
То и Оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умыслу ль, или, имѣя дѣлъ беремя
Въ такое хлопотливо время,
Тучегонитель оплошалъ:
И вылился Оселъ почти какъ бѣлка малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ:
Но въ спѣси никому Оселъ не уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться:
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру Оселъ спѣсивый мой,
И росту сталъ просить большаго.
Помилуй, говоритъ, какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ съ великаго и до меньшаго,
Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ:
За что жь къ Осламъ ты столько лихъ,

Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ Ослахъ никто ни слова?
А если бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спѣси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ;
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.
Что день, то снова
Оселъ мой тожь Зевесу пѣлъ,
И до того ему онъ надоѣлъ,
Что наконецъ моленія Ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ Оселъ скотиной превеликой;
А сверхъ того ему такой далъ голосъ дикой,
Что мой ушастый Геркулесъ
Поразпугалъ-было весь лѣсъ.
Что то за звѣрь, какаго роду?
Чай, онъ зубастъ? Роговъ, чай, нѣтъ числа?
Ну, только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто Оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И наОслѣ ужъ возятъ воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша:
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

V.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно: слова нѣтъ о томъ.
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало,
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ немало,
Нашелъ червонецъ на земли.

Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однако жь пятаковъ пригоршни трои
Червонца наобмѣнъ крестьянину даютъ.
Постой же, думаетъ мужикъ: дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ.
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичь онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ Червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю Червонецъ потерялъ.

VI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шумя, несутся въ поле.
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что впрочемъ съ ближнихъ горъ каменьями не трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ
И замешать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, нехудо
Явить хоть небольшое чудо:

Или потопъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хошь каменнымъ ударишь въ нихъ дождёмъ.
Пождёмъ,
Юпитеръ рекъ: а если не смирятся,
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся.
Тушъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тьма камней, шуча стрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ;
Но съ тысячью смертей и злыхъ и неизбѣжныхъ
На собственныя ихъ обрушилась главы.

Плоды невѣрія ужасны шаковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

VII.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вершитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
Тьфу, пропасть, говоритъ она, и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью тожь бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь; цѣны не зная ей,

Невѣжа про нее свой толкъ все къ худу клонитъ:
А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

VIII.

ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до царя о томъ донесся слухъ
(А царь былъ строгъ и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать,
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье:
А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повѣшу шутъ же всѣхъ судей вокругъ стола.
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ трои сутки,
Какую бъ выдумать преступнику имъ казнь.

Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что все они людей отъ зла не отучаютъ.
Однако жь наконецъ ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ съ общаго сужденья
Приговорили женъ отдать ему всѣхъ трёхъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что царь велитъ повѣсить всѣхъ судей:
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ Троеженецъ удавился:
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

IX.

ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-то встарину
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вершепы.
Хоть разобрашься льзя бъ имъ было по правамъ;
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы
И вѣряшъ болѣе когшямъ.
Однако наконецъ не вѣчно жь дрaться;
И когши пришупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобрашься;
Намѣрились дѣла военны прекрашить,
Окончишь всѣ раздоры,
Пошомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключишь
До первой ссоры.
Назначимъ же скорѣй,
Мы отъ себя секрешарей,
Льву предлагаешъ Барсъ, и какъ ихъ умъ разсудишъ,
Пусшь шакъ и будешъ.
Я, на примѣръ, къ шому опредѣлю коша:
Звѣрокъ хошь не казисшъ, да совѣсшь въ немъ чиста;

А ты осла назначь: онъ знатнаго же чина,
И, къ слову молвишь здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина!
Повѣрь какъ другу мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ ли стоятъ.
Положимся жь на томъ,
На чёмъ
Съ моимъ котишкомъ онъ устроитъ.
И Левъ мысль Барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не осла, лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этаго разбору,
Примолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):
Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.

X.

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ Мудрецомъ
О томъ, о сёмъ,
Скажи мнѣ, говоритъ, ты свѣтъ довольно знаешь,
И будто въ книгѣ ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ это, что мы ни начнемъ,
Суды ли, общества ль учены заведемъ;
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вопрутся?
Ужь ли отъ нихъ совсѣмъ лѣкарства нѣтъ? —
Не думаю, сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:
И съ обществами та жь судьба (сказать межь нами),
Что съ деревянными домами. —
Какъ? — Также: я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужь сверчки давно въ немъ завелись.

XI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Напорговали денегъ гору,
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ,
Кричитъ одинъ изъ нихъ, ступайте:
А счеты послѣ мы сведемъ! —
Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,
Шумитъ другой:
Я съ мѣста не сойду долой. —
Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны:
Еще одинъ кричитъ. — Нѣтъ, нѣтъ мы не согласны:
Да какъ, за что, и по чему? —
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,

Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ;
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры зашѣваетъ
О выгодѣ своей.

XII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!
Вотъ если бъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону и можно бъ отказать;
А бочки для чего не дать!
Какъ возвратилася она; тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,

Что винный духъ пошелъ отъ ней во всёмъ:
Квасъ, пиво ли сваришъ, ну даже и въ сьѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близь году:
То выпаришъ, то ей провѣтриться даешъ;
Но чѣмъ ту бочку ни нальешъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ,
И съ бочкой наконецъ онъ принужденъ разстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоишъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будетъ отзываться.

XIII.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ-было уже прохожій камень взялъ:
И, полно, брашецъ, тутъ другой ему сказалъ,
Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.
И подлинно: прошли шаговъ десятковъ пять,
Какъ стало ни одной Собаки не слыхать.

Завистники на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

XIV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: ахъ-ти, ребята, воръ!
И вмигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
Огня, кричатъ, огня! Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щолкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему расчестться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,

И началъ такъ: друзья, къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ;
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я.... — Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

XV.

ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Разхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко:
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнишь, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не нада.
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ,

И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну право былъ онъ съ гору.
Что за диковина, пріятель отвѣчалъ:
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какаго ты нигдѣ конечно не встрѣчалъ,
И я въ томъ споришь буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ; онъ съ виду хошь и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ;
До половины не дойдетъ,
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ пожалуй хошь въ каретѣ.
А какова у васъ рѣка?
Да не мѣлка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хошь Римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о нёмъ?
Гора хошь не гора, но право будетъ съ домъ.
Повѣришь трудно!
Однако жь какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдёмъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;

И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.
Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзшь,
И то ни сташь, ни сѣсшь.
Пусшь такъ; но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесшь,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жь мосшъ-ашъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяши шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду.
Хошь Римскій твой и чуденъ огурецъ....
Послушай-ка, шушъ перервалъ мой лжецъ,
Чѣмъ на мосшъ намъ ишши, поищемъ лучше броду.

XVI.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у Ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша Пастуха, Ручей журчитъ сердито:
Рѣка несытая, что если-бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на шинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила!
Я-чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла,
И мимо хижинки и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,

И я бы освѣжалъ долины и луга;
Но съ нихъ бы не унесъ листочка;
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что жь? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ, куда въ ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечистую пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пѣнялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много Ручейковъ шечетъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчитъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды!

XVII.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

Куда шакъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
Охъ, мой голубчикъ куманёкъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ куряшникѣ судьёй;
Ушрашила въ дѣлахъ здоровье и покой;
Въ шрудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала;
И я жь за шо подъ гнѣвъ подпала;
А все по клевешамъ. Ну, самъ подумай шы:
Кшо жь будешъ въ мірѣ правъ, коль слушашь клевешы?
Мнѣ взятки брашь: да развѣ я взбѣшуся.
Ну, видывалъ ли шы, я на шебя пошлюся,
Чшобъ эшому была причасшна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько!
Нѣшъ, кумушка; а видывалъ часшенько,
Чшо рыльцо у шебя въ пуху.

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь, помаленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку:
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесишь,
Хошь по суду и не докажешь;
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

XVIII.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили:
И дѣлятъ межь собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
Ба, ты, косой,
Кричатъ ему, пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ.

Вотъ, братцы, Заяцъ ошвѣчалъ:
Да изъ лѣсу-то кто жь? Все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка.
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно;
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются;
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

XIX.

ОРЕЛЪ И ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужь силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:

Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ;
Да кто же послѣ разберётъ
И отличитъ твои работы?
Я право не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожь имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми наряду.
Какая разница межь нами!
Когда, разширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками;
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться;
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.
Пчела отвѣтствуетъ: тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но ушѣтаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

XX.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ наладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое брашься любитъ;
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошечье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ анбарѣ половить.

Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ Щукѣ Васька говорить.
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.
И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.
Такъ въ добрый часъ, пойдемъ! — Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идётъ.
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замершво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно: это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

XXI.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

Прощай, сосѣдка: Волкъ Кукушкѣ говорилъ;
Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ;
Все шѣжь у васъ и люди и собаки:
Одинъ другаго злѣй; и ты хошь ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.
А далеко ль сосѣду пушь?
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думаешь ты жишь въ ладу?
О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, шо-шо сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы крошки человѣки;
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена.
Какъ брашья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ;
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жь сама, голубка, мнѣ:

Не мило ль даже и во снѣ
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости: не поминай насъ лихомъ!
Ужь то-то мы тамъ заживемъ,
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ;
Не такъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днемъ
И не засни спокойно на ночлегѣ.
Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой,
Кукушка говоритъ: а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возмешь съ собой?
Ужь кинутъ, вздоръ какой!
Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Ни видитъ добрыхъ онъ, куда не обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

XXII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой;
То рады мы тому хотя молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же придетъ худо:
Всѣ въ запуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо.

Старикъ Крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой въ деревню съ сѣнокосу;
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ его початъ, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
Степанушка родной, не выдай, милой!

Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новый Геркулесъ, собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ:
Опѣшалъ, бѣдный мой Степанъ!
Помилуй, говоритъ, за что? — За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру.

XXIII.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понёсъ,
Катишься возу не давая.

А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо, криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять:
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья;
Таскалъ бы воду ужь, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ;
Небось, ужь время не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась;
Возъ началъ напирать, телега разкатилась:
Коня толкаетъ въ задъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Прыжки;
Лѣвѣй, лѣвѣй: и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость туже:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXIV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-сша покушай! —
Сосѣдушка, я сышъ погорло. — Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку; послушай:
Ушица ей-же-ей наславу сварена! —
Я три тарелки сьѣлъ. — И, полно, что за счёты!
Лишь стало бы охоты;
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькой дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ!
Еще хошь ложечку! Да кланяйся, жена! —
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,

И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ:
Собирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. — Вотъ друга я люблю:
Вскричалъ Демьянъ; за то ужь чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой! —
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой;
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямый имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь;
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

XXV.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хошь у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужь понаѣлись,
И вѣжливые жь псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днёмъ,
Такъ разсуждать они пустилися вдвоёмъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.—
Что можетъ, говоритъ Полканъ, пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Ни спить безъ друга и ни сѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,

И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставишь!
Вотъ если бъ, на примѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло.—
А что же, это дѣло,
Барбосъ ошвѣтствуетъ ему:
Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки:
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право стыдно:
Песъ дружества слывешъ примѣромъ съ давныхъ дней,
А дружбы между псовъ, какъ будто межь людей,
Почти совсѣмъ не видно.—
Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,
Вскричалъ Полканъ: дай лапу!—Вотъ она.
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости къ кому и приравняться:
Орестъ мой! Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,

Лишь только клочья вверхъ летятъ.
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки;
Послушать, кажется, одна у нихъ душа:
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Рис. И. Иванов. Грав. С. Галактионов.

ФОРТУНА и НИЩІЙ.

И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставишь свой другому,
Онъ въ море корабли отправлялъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота: но корабли разбило;
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ-было милiонъ,
Да мало; захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши, и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И подѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла:
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла.

Едва отъ радости мой Нищій дышитъ
И подъ собой земли не слышитъ!
Разправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужь тяжеленька.
Довольно ль?—Нѣтъ еще. — Не треснула бъ.—Небось!
Смотри, ты Крезомъ сталъ. — Еще, еще маленько,
Хошь горсточку прибрось! —
Эй, полно: посмотри, сума ползетъ ужь врозь. —
Еще щепоточку! — Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;
Фортуна скрылася; одна сума въ глазахъ:
И Нищій нищенькимъ попрежнему остался.

II.

ОТКУПЩИКЪ И САПОЖНИКЪ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякой день давалъ пиры, банкеты.
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избышкомъ, черезъ край;

И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужь Божьего ль боится онъ суда,
Иль просто трусишь разориться:
Да только все ему некрѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хошь иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
Пріятель дорогой, здорово!
Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.
Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
(Въ комъ нужда, ужь того мы знаемъ, какъ зовутъ.)
Дѣлишки, баринъ? Да не худо!
Такъ отъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?

Ты, сшало, счастливо живешь?
На Бога грѣхъ роптать, и что жь за чудо?
Работою завален я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этаго не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй.
И деньги есть?—Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ:
За то нѣтъ лишнихъ и зашѣй.
И такъ, мой другъ, ты быть богатѣ не желаешь?
Я этаго не говорю,
Хоть Бога и за то, что есть благодарю:
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ пока живетъ,
Все хочетъ болѣе; таковъ ужь здѣшній свѣтъ.
Я-чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало.
Ты дѣло говоришь, дружокъ;
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужь коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возми же: вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ;
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пять сотъ рублевъ тутъ вѣрнымъ счетомъ.

Прощай! — Сапожникъ мой,
Схвативъ мѣшокъ, скорѣй домой:
Не бѣгомъ, лѣтомъ
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же ночи въ подземелье
Зарылъ мѣшокъ и съ нимъ свое веселье.
Не только пѣсень нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!).
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ;
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинушься въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Ошкупщику,
И говоритъ: спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни милiонъ.

III.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А Воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: ужь брать, такъ брать,
А то и когти что марать;
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну, только ль въ стадѣ, что ягняты?
Вотъ, я какъ захочу,
Да налечу,
Такъ царской подлинно кусочикъ подхвачу.
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ;
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ,
Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ наконецъ
Барана, да какаго?
Прежирнаго, премастераго,
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.

Изладясь, на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тутъ поздно онъ узналъ, что добычь не по немъ.
Что хуже и всего, шакъ на баранѣ шомъ
Тулупъ шакой былъ прекосматый,
Густый, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вышеребилъ вонъ
Зашѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ шѣмъ, что самъ поналъ въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окарнали,
И дѣтямъ отдали играть.

Нерѣдко у людей тожь самое бываетъ,
Коль мѣлкой плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

IV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачугѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:
Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жь жена и дѣти;
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ:
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денёкъ?
Въ такомъ унынiи, на свой пѣняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть. Она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ,
И говоритъ: зачѣмъ ты звалъ меня, Старикъ?
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,

Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

V.

ПОДАГРА И ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту разпустилъ.
Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ: да и кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить?
И стало нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти бремя,

Пока они не по мѣстамъ!);
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возметъ?
Вонъ, видите ль вы пышные чертоги?
А тамъ вонъ хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.
Мнѣ хижинъ ни за что не нада:
Сказалъ Паукъ. — А мнѣ не надобно палатъ,
Подагра говоритъ; пусть въ нихъ живетъ мой братъ:
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня хирурги, доктора
Тамъ сгоняютъ съ каждаго богатаго двора.
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмѣжевалъ:
По штофамъ пышнымъ, разцвѣчонымъ
И по корнизамъ золочонымъ
Онъ паутину разостлалъ,

И мухъ бы пропасть нахваталъ;
Но къ разсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щешкою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ; онъ къ печкѣ перебрался:
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда, Паукъ бѣдняжка мой:
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щешка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньѣ; и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей:
Чай, въ селахъ, говоритъ, живетъ она царицей.
Пришелъ, а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
Нѣтъ, братецъ, говоритъ она, не жизнь мнѣ въ полѣ;
А братъ
Тому и радъ:
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся;
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался,

И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ и стѣны и углы.
Подагра же тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ,
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай; пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужь болѣ ни видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ:
И оба дѣлаютъ умно.

VI.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки на виноградъ
Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ.
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ;
Хотъ видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попустu часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: ну, что жь!
На взглядъ- то онъ хорошъ,
Да зеленъ; ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.

VII.

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣшь великой мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мѣлкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Зашихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чушь-чушь дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.

Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
Изрядно, говоритъ: сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣшухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ, и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ эшакихъ судей.

VIII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силёнъ,
Да неумёнъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть кажется Слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ воевода

Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ,
Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.
О плуты, Слонъ кричитъ: какое преступленье!
Кто грабитъ далъ вамъ позволенье?
А волки говорятъ: помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на шулупы
Позволилъ легонькой оброкъ собрать съ овецъ!
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы;
Всего-то придетъ съ нихъ: съ сестры по шкуркѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать.
Ну, то-то жь, говоритъ имъ Слонъ, смотрите;
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возмите,
А больше ихъ не троньте волоскомъ!

IX.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И что сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою:
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей:
Нельзя ль какъ, говоритъ, помочь бѣдѣ моей?
Тутъ всякой съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычь говоритъ: эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.

Сватъ Климычь говоритъ: впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.
Эхъ, братцы, это все не такъ,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возми-ка ты впередъ щенка любаго
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ тошить.
И словомъ отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жь: коль въ нужду попадешься,
Ошвѣдай сунуться къ друзьямъ;
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь:
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

X.

ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору;
То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

Купчина выстроилъ анбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары;
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина:
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ (кто этаго не знаетъ?),
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.

Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый шутъ и виноватый
Скорѣй съ двора долой.
Безъ кошекъ сталъ Купчина мой.
А Мыши лишь того и ждали и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ въ анбаръ,
И въ двѣ, иль три недѣли,
Поѣли весь товаръ.

XI.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно напоказъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возмись на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

Сосѣдка, перестань сраминься,
Ей Шафка говоритъ: тебѣ ль съ Слономъ возишься?
Смотри, ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.
Эхъ, эхъ: ей Моська отвѣчаетъ,
Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
Ай, Моська! Знать она сильна,
Что лаетъ на Слона.

XII.

ВОЛКЪ И ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка Волкъ начавъ помалу пріучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилѣжнѣй примѣчать,
Не льзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хошь захватя грѣха,
На счетъ бы пастуха

Позавтракать, иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говоритъ: пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ; ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть.
Постой-ка, Волкъ сказалъ: сперва мнѣ вѣдать нада,
Каковъ пастухъ у стада? —
Хоть говорятъ, что онъ
Неплохъ, заботливъ и умѣнъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны,
И плохи, кажется, и смирны.
Меня такъ эхотъ слухъ,
Волкъ старый говоритъ, не очень къ стаду манитъ:
Коль подлинно неплохъ пастухъ;
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ:
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду.
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.

XIII.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ:
Хвалы приманчивы, какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесётъ,

То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

XIV.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось Мышамъ себя прославить,
И, не смотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ клюшницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того Совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у Мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.

Умно ли то: теперь мы спрашивать не будемъ;
При томъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью, иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ Совѣтъ:
У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья;
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ Совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не разшерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И наконецъ въ мушномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста,
Анъ-глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую Мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ.

А Мышь въ отвѣтъ: молчи; все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.

XV.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу
Въ углу
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набитъ;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ:
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;

А ежели Мѣшокъ откроетъ:
То всякой на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ:
То вѣрно ужь его потреплетъ, иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И то нетакъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ:
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивишься станутъ.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ?
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ и слуху нѣтъ о немъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли:
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между ошкупщиковъ,

Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали;
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты стали,
Съ которыми теперь и графы и князья,
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ?
Велико дѣло миліонъ!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

XVI.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ грамотѣй
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ).
А дома стереченъ съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Обьѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
Ахъ, ты, обжора! Ахъ, злодѣй!
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей
(А Васька все-таки курченка убираетъ)?
Какъ, бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ...
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ:
А ты... ахти какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ, котъ-Васька воръ!

И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ ритторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жь? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое сѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

XVII.

ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ретивый былъ работникъ,
И дюжъ и свѣжъ на взглядъ.
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсошни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великій краснобай, названый другъ природы,
Недоученый Философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды.
Однако жъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И тоже огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
Сосѣдъ, какъ хочешь ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду;
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говоришь, я и тому дивился,

Что огородишка твой кое-какъ идетъ:
Какъ ты еще не разорился?
Ты, чай-вѣдь, никакимъ наукамъ не учился?
И некогда: сосѣда былъ отвѣтъ;
Прилѣжность, навыкъ, руки:
Вотъ всѣ мои путь и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ.
Невѣжа, возставать противъ наукъ ты смѣешь?
Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ;
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ.
А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта бъ намъ дождаться.
Но, баринъ, не пора ль за дѣло принимаешься?
Ужь я кой-что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ.
Да, я не взрылъ, за недосугомъ;
Я все читалъ,
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой, иль плугомъ?
Но время еще не уйдетъ.
Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ,
Послѣдній отвѣчалъ: и тутъ же съ нимъ разстался,
Взялъ заступъ свой;
А Философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся;
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ;

Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладишь,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ,
И все изроетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У Огородника взошло все и поспѣло;
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло:
А Философъ
Безъ огурцовъ.

XVIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?
Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ, встрѣтясь съ нею;
Я право о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ;
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ и стыдно,

И что бранитъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такаго нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ, иль обѣдъ
Въ куряшникѣ оставить шкуры;
Ну, стоятъ ли того всѣ куры? —
Кому такая жизнь сносна?
Лисица отвѣчаетъ:
Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже часто мнѣ и пища невкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ,
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ? —
Ну, что жъ?
Крестьянинъ говоритъ, коль вправду ты не лжёшь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись куряшникъ мой отъ лисъ ты охранять:
Кому, коль не Лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ кататься.
Торгъ слаженъ: и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ Лиса.
Пошло у мужика житье Лисѣ привольно;

Мужикъ богатъ, всего Лисѣ довольно:
Лисица стала и сытнѣй,
Лисица стала и жирнѣй;
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденый кусокъ пріѣлся скоро ей;
И кумушка пѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ;
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ:
А вору дай хоть миліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

XIX.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ, не какъ у насъ; у насъ ребенокъ году,
Хотя бъ онъ царскій былъ, и глупъ и слабъ и малъ;
А годовалый львенокъ

Давно ужь вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году Левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Кого жь бы попросить, нанять, или заставить,
Царевича царемъ навыучку поставить?
Отдать его лисѣ: лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:
Такъ это, думалъ царь, не царская наука.
Отдать крошу: о немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ,
Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ;
И словомъ, слава шла,
Что крошъ великій звѣрь на малыя дѣла:
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза крошовы зорки,
Да вдаль не видятъ ничего;
Порядокъ же крошовъ хорошъ, да для него:
А царство львиное гораздо больше норки.
Не взять ли барса? Барсъ отваженъ и силенъ,
А сверхъ того великій шакшикъ онъ;
Да барсъ полишики не знаетъ:

Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе жь царствовать уроки онъ подастъ?
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А барсъ лишь рѣзаться гораздъ:
Такъ и дѣшей учить онъ царскихъ недостоинъ.
Короче: звѣри всѣ, и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтёнъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Имъ все еще казался не умёнъ,
И не учёнъ.
По счастью, или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернатыхъ царь, орелъ,
Который велъ
Со Львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ Львенка воспитать.
У Льва какъ гору съ плечь свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было,
Царевичу царя въ учители сыскать?
Вотъ Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ орлу.
Проходитъ годъ и два; межь тѣмъ, кого ни спросятъ,
О Львенкѣ отто всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.

И наконецъ приходитъ срочный годъ;
Царь-Левъ за сыномъ шлётъ.
Явился сынъ; тутъ царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь:
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ,
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?—
Папа, отвѣтствовалъ сынокъ, я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ орла до перепёлки,
Какой гдѣ птицы болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живётъ,
Какія яица несётъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки:
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ;
У птицъ недаромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды.
Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ;

Повѣсилъ головы совѣшь;
А Левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что Львенокъ пустякамъ учился;
Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Тому, кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XX.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листки на деревѣ съ зефирами шептали;
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ, какъ о себѣ зефирамъ толковали:
Не правда ли, что мы краса долинѣ всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво;
Раскидисто и величаво?
Чтобъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалишь себя мы можемъ безъ грѣха!

Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами. —
Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ:
Имъ голосъ ошвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно?
Кто вы такіе тамъ?
Листы по дереву шумя залепетали. —
Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Уже ль не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ;
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.

XXI.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истину сказать,
Не очень вѣжливо чествлъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
Гдѣ можно насъ Гусей несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто бы простыхъ гусей гоняетъ;
А этаго не смыслитъ неучь сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.—
А вы хотите быть за что отличены?

Спросилъ прохожій ихъ. — Да наши предки... Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли? —
Да наши предки Римъ спасли. —
Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —
Мы? Ничего! — Такъ чтожь и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Басню эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ Гусей не раздразнить.

XXII.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшень шамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши до сыта накупалась:
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньёй.
Ну чтожь, Хавронья, шамъ ты видѣла такаго?
Свинью спросилъ пастухъ:

Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другаго? —
Хавронья хрюкаетъ: ну, право, порютъ вздоръ!
Я не примѣтила богатства никакаго;
Все только лишь навозъ, да соръ:
А, кажется, ужь, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

XXIII.

ОРЕЛЪ И ПАУКЪ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что отшоль онъ видѣлъ край земли:

Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море
Какъ ворона крыло чернѣлося въ дали.
Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты
(Орелъ къ Юпитеру взываетъ),
И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ! —
Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу,
Паукъ ему шутъ съ вѣшки отвѣчаетъ;
Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу? —
Орелъ глядитъ: и подлинно Паукъ,
Надъ самымъ имъ разкинувъ сѣть вокругъ,
На вѣшочкѣ хлопочетъ,
И, кажется, Орлу зашкать онъ солнце хочетъ.
Ты какъ на этой высотѣ?
Спросилъ Орелъ; и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда спускаться смѣютъ:
А ты безъ крылъ и слабъ; не уже ль ты доползъ?—
Нѣтъ, я бъ на это не рѣшился. —
Да какъ же здѣсь ты очутился? —
Да я къ тебѣ же прицѣпился,

И снизу на хвостѣ ты самъ меня занёсъ:
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
И такъ передо мной прошу не величаться;
И знай, что я.... Тутъ вихрь отколѣ ни возмись,
И сдунулъ Паука опять на самый низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко пауковъ
Тѣ, кои, безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,
Какъ будто бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной:
Хошь стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Рис. И. Иванов. Я Грав. С. Галактионов.

ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ.

БАСНИ.

I.

ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ.

Мужикъ на лѣто въ огородъ
Нанявъ, Осла приставилъ
Воронъ и воробьевъ гоняшь нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ,
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
А птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку;
Но Мужику барышь былъ съ огорода плохъ.
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперёгъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притоптalъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ вымѣстилъ дубиной.
И ништо, всѣ кричатъ, скотинѣ подѣломъ!

Съ его ль умомъ
За это дѣло брашься?
А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за Осла вступашься;
Онъ точно виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ):
Но, кажется, неправъ и тотъ,
Кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

II.

ЛАНЬ И ДЕРВИШЬ.

Младая Лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ,
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
О, безразсудная, сказалъ, къ кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты рода чаешь?
Быть можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь.—
Быть можетъ, Лань на это отвѣчала;

Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда бъ не стала я питать.

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

III.

ОРЕЛЪ И КРОТЪ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.

Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится;
Такъ чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ себѣ не вилъ.
Но ксшати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ Крота? А гдѣ же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что за спать Кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарей,
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣта:
Несчастный, онъ сказалъ,
За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣта.

Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?—
Когда бы ты не презрѣлъ мною,
Изъ норки Кротъ сказалъ: то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близь корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй.

IV.

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ ненадобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
За тѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, куряшинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
Что, кумушка, бѣды: онъ говоритъ,
Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;

Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!—
Не ужь ли?—Право такъ.—Бѣдняжка-куманёкъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова;
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

V.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака,
Бумажный Змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ Мотылька:
Повѣришь ли, кричитъ, чуть-чуть тебя мнѣ видно!
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокой столь полетъ.
Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.

Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далёко;
А я, хоть правда невысоко,
За то лечу,
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другаго,
Пустаго,
Вѣкъ цѣлый не трещу.

VI.

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ:
Голубчикъ, Деревцо сказало молодое,
Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу расти въ покоѣ:
Ни для корней моихъ простора нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него росши помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалась красою сей странѣ,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ я тонка, почти какъ хворостина.

Взялся крестьянинъ за топоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ.
Но торжество его недолго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ наконецъ то Деревцо сломило.—
Безумное: ему сказала шутъ змѣя,
Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало;
Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли,
А если бъ нѣкогда деревьевъ цѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло;
Тогда въ свою чреду ты столько бъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!

VII.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ;
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ: судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

VIII.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
Хошь нужды не было Собакѣ той ни въ чемъ:
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть!
Но ужь у ней была такая страсть,
Что изъ мяснаго ни достанетъ,
Въ минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
Послушай, говоришь, хошь кажется ты строгъ;
Но ты лишь красть Собаку пріучаешь,
За тѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь.
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней.

Едва лишь на себѣ Собака испытала
Совѣтъ разумный сей,
Шалить Собака перестала.

IX.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ купилъ огромный домъ,
Домъ правда дѣдовскій, но строенный на славу:
И прочность и уютъ, все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ молодчику по нраву,
Да только то бѣды,
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
Ну что жъ: онъ думаетъ, въ своемъ добрѣ я властенъ;
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевезть
(Какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ!);
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье,
А тамъ уже, изладя на катках,
Я ворошомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:

Когда перевозишь туда мой будущъ домъ;
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ нёмъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На новосельѣ я поѣду какъ въ каретѣ.
Плѣнясь глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ Механикъ мой.
Рабочихъ порядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берёгъ;
Однако жь дома онъ перешащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

X.

ПРУДЪ И РѢКА.

Что это, говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:
Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ!
Не уже ль таки ты, сестрица, не устанешь?
При томъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужь я не говорю про лодки, челноки,
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я право высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не брянчитъ похвалъ какой нибудь гуслистъ:
Да это право все пустое!
За то я въ плистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и покоѣ;
Не только, что судовъ,

Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много ежели случится,
Что по водѣ моей чудь зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ
Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ. —
А, философствуя, ты помнишь ли законъ,
Рѣка на это отвѣчаетъ,
Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою Рѣкой,
Такъ это отъ того, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
За то по всякой годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и вспомянѣ. —
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И наконецъ совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякой день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

XI.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этаго печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю;
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.
О, Тришка малой не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярманкѣ подойникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ пушемъ,
Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужичка какъ липку ободралъ.
Помилуй, всплачется Крестьянинъ: я пропалъ,
Меня совсѣмъ шы доканалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался:
Насилу этаго дождался дня.
Добро, не плачься на меня,
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужь такъ и быть,
Возми себѣ назадъ подойникъ.

XIII.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, разписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спѣсиво
И выставляли всѣмъ красу свою на диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать!
Цвѣты тафтяные Юпитера шутъ просятъ:
Не льзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
Юпитеръ, молятся: ты дождикъ прекрати;
Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже!
Смотри, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи.
Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,

И зелень вся какъ будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Разкинулись во всей своей красѣ,
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Лишились всей красы и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

Таланты истинны за критику не зляться;
Ихъ повредить она не можетъ красоты:
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

XIV.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Пріятель дорогой, здорово, гдѣ ты былъ? —
Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья,
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужь подлинно, что тамъ чудесъ палаша!

Куда на выдумки природа шароваша!
Какихъ звѣрей, какихъ шамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, шаракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другіе какъ кораллъ!
Какія крохошны коровки!
Есшь право менѣе булавочной головки! —
А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я-чай, подумалъ шы, что гору всшрѣшилъ. —
Да развѣ шамъ онъ? — Тамъ. — Ну, брашецъ, виновашъ:
Слона-шо я и не примѣшилъ.

XV.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни зашѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣсшныхъ людей,
Они всегда найдушъ уловку,
Чшобъ сдѣлашь шамъ, гдѣ имъ захочешся, снаровку.

Въ овечьи сшароспы у льва проспился волкъ.
Сшараньемъ кумушки лисицы
Словцо о немъ замолвлено у львицы.

Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриной весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И распросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужь вѣрно были? —
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли:
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

XVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не попустому жить, безъ дѣла,
Нѣтъ, няньчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще нажитой трудомъ!
Я знаю, говоритъ она, худую славу,
Которая у васъ людей
Идетъ про Змѣй,
Что всѣ онѣ презлаго нраву;
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ,
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства,
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть: но я не такова.
Я сроду никого не только не кусала;
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И словомъ: я добрѣй

Всѣхъ Змѣй.

Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей! —
Коль это, говоритъ Крестьянинъ, и неложно;
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю Змѣёй
Одной
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая Змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.

Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...

XVII.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой:
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

Какой-то смолоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякой Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышь, что хвалять соловья,
А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью,
И думаетъ: постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.

И подлинно запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То непутёмъ
Онъ верещалъ козленкомъ,
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньёмъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьёмъ.

XVIII.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякой знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить;
И проситъ горю пособить.

Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью большею
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
Ты шутишь, звѣрь вскричалъ коварный:
Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгой носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унёсъ!
Поди жь, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!

XIX.

ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ,
Потерянный Алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогѣ.
Какъ ты со всей своей игрой,
Сказалъ Огонь, ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьѣ,

Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучь, иль мой, иль солнечный сіяетъ!
Ужь я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка, ленты лоскутокъ.
Какъ часто блескъ твой затемняетъ
Вокругъ тебя одинъ, обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затьмишь мое сіянье,
Когда я въ ярости моей
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю:
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ. —
Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ,
Алмазъ ошвѣшествуетъ, но я безвреденъ:
Не укоритъ меня никто ничьей бѣдой;
И лучь досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь.
За то, всей силой сьединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ;
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу. —
Тушь силой всей народъ шушишь пожаръ принялся;

На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался:
Алмазъ же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой сталъ царскому вѣнцу.

XX.

КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть!
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мѣльницы посорваны и смыты;
Потоплено скота что и не счесть!
А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ вѣрно ихъ она уймётъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.

Но чтожь? Какъ подходишь къ Рѣкѣ поближе стали,
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несётъ.
Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межь собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А отходя проговорили:
Начто и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

XXI.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужь пусть бы кончилось на ней несчастье злое!
Но нѣтъ; за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,

И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
Какъ можно не страдать,
Такое горе видя!
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ прошивъ гнѣзда сиротокъ сидя:
Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку пришкните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать:
Вѣдь попусту жь его ты разтеряешь.
Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужь подросли;
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюшкамъ сѣла;
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берёгъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ
Полакомить безродныхъ крошекъ.

А ты бы, милый соловей,
Когда птеняточекъ ко сну попянетъ,
Межь тѣмъ, какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ,
Ты бъ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что....При сихъ словахъ,
Малютки бѣдные всѣ трое,
Не могши съ голода сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ нанизъ.
Что жь кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ; не разпложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ:
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другова,
За тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакова.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ,
Сродни моей Лисѣ.

XXII.

ВОДОЛАЗЫ.

Какой-то древній царь впалъ въ странное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душею всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти, иль по пристрастью:
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякой бы, хоть слогомъ не кудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ да, иль нѣтъ,
То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однако жь, какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,

Кто голосъ подавалъ работы секретарской;
Всякъ только дѣло затемнялъ
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царской.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали;
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ,
И что за просвѣщеньемъ въ слѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обоихъ сторонъ,
И дѣло выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы;
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ со всѣхъ сторонъ
Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.
Но способъ былъ и этотъ худъ,
За тѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье:

Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И если бы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но шакъ какъ царь казною не шутилъ;
То онъ, примѣтя то, ихъ скоро разпустилъ.
Межь тѣмъ часъ отъ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью заняшъ, въ поле,
И видитъ предъ собой
Пустынника съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе ль полезны, или вредны?
Царь, старецъ отвѣчалъ, позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны.
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
На берегу близь моря
Жилъ въ Индіи рыбакъ;

**

Проведши долгой вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей.
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И, ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей,
Не рыбой, жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однако жь былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ.
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной:
А съ лѣностью такой
Едва - едва питался.
Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя,
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну:
И жилъ всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:

Хоть жемчугъ находишь близь берега и можно;
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждашь не должно,
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ!
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять.
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
О царь, примолвилъ шутъ мудрецъ:
Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Рис: И. Иванов. Я Грав: И. Гоский.

НАПРАСЛИНА.

БАСНИ.

I.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто что нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ томъ на другаго,
И какъ нерѣдко говорятъ:
Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!
А ежели людей не стало,
Такъ ужь Лукавой виноватъ,
Хотъ тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ.
Въ восточной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,
Хотъ на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ совсѣмъ житьёмъ
(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своёмъ
Одинъ былъ правила такаго,
Другіе же всѣ жили святаго;

И что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нрава прекрутаго,
Такъ преступить никакъ устава ты не смѣй.
Однако жь мой Браминъ не унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смѣкаетъ,
Не льзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи дождался,
И свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой и мысленно глотаетъ,
А про начальника смѣяся разсуждаетъ:
Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель;
Яичко съѣмъ-таки я всласть.
Анъ шутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келью надзиратель,
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣта требуетъ онъ грозно.
Улика налицо и запираться поздно!
Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье:
Такъ взмолится Браминъ сквозь слезъ,
И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье;
Ахъ, наустилъ меня проклятый Бѣсъ;
А шутъ Бѣсенокъ изъ-за печки:

Не стыдно ли, кричишъ, всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,
И право вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ.

II.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
Не стыдно ль, говоришъ: середь бѣлаго дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло.
Анъ, смотришъ, шутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

III.

ХМѢЛЬ.

Хмѣль выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки вишься сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькой стоялъ.
Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
Ну, какъ его сравнишь съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хошь листьемъ правда онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?
Межь тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой Хмѣль ужь вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала.

Такіе жь у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней;
И, какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись:
А только въ случай попадись,
Онъ первый явится въ передней.

IV.

МЫШЬ И КРЫСА.

Сосѣдка, слышала ль ты добрую молву,
Вбѣжавши Крысѣ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву;
Вотъ отдохнутъ и намъ пора настала.
Не радуйся, мой свѣтъ,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ,
И не надѣйся попустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То вѣрно льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

Я столько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого;

То думаетъ, что на того
Весь долженъ свѣтъ глядѣть его глазами.

V.

ГОСПОЖА И ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки служанки, коихъ часть
Была съ ушра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи.
Имъ будни, праздникъ, все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спять еще, а ужь у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда бъ старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ прокляшый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ; старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,

Бредетъ ворча къ прядильщицамъ въ покой,
Разшалкиваетъ ихъ косшлявою рукой,
А заупрямятся, клюкой,
И сладкой на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрѣе опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка таже:
Ихъ будятъ и моряшъ на пряжѣ.
Добро же ты, нечистый духъ!
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
Безъ пѣсень бы твоихъ мы вѣрно болѣ спали;
Ужь надъ тобою быть грѣху!
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но чтожь? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья,
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ.
То правда, что пѣтухъ ужь болѣ не поётъ,
Злодѣя ихъ нестало;
Да барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягушъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будитъ ихъ стала всякой разъ,
Какъ рано пѣтухи и сроду не пѣвали.

Тутъ поздо дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ поломя попали.

Такъ, выбравшися желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь туже:
Одни лишь только съ рукъ сживётъ,
Глядишь, другія нажилъ хуже.

VI.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

Какъ разшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!
Про дождикъ говорилъ на нивѣ Камень лежа:
А ради всѣ ему, пожалуй - посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогаго.
А что же сдѣлалъ онъ такаго?
Всего-то шелъ часа два-три.
Пускай же обо мнѣ распросятъ!
Такъ я ужь вѣки здѣсь: тихъ, скроменъ завсегда;
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ:
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ.

Молчи, сказалъ ему Червякъ:
Сей дождикъ, какъ его ни крашко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя.

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ:
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ нѣтъ.

VII.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то о веснѣ звѣрями
Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хошь можно бъ выбрать тутъ другаго повѣрнѣй,
За тѣмъ, что къ меду Мишка падокъ,
Такъ не было бъ оглядокъ;
Да спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился;
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился.

Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка пошаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли шревогу,
По формѣ нарядили судъ,
Опеставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плушь.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду все не ворошили.
А Мишинька и ухомъ не ведетъ:
Со свѣтомъ Мишка разпрощался,
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

VIII.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Маршышка въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
Смотри-ка, говоритъ, кумъ милый мой,
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хошь чушь была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть;
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.
Чѣмъ кумушекъ считать трудишься;
Не лучше ль на себя, кума, оборотишься?
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но мишинькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычь наруку нечистъ, всѣ это знаютъ;

Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

IX.

КОМАРЪ И ПАСТУХЪ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.
Примѣтя то, змѣя изъ-за кустовъ
Ползетъ къ нему, обливши ядомъ жало;
И Пастуха на свѣтѣ бы не стало:
Но, сжалися надъ нимъ, Комаръ, что было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшися, Пастухъ змѣю убилъ;
Но прежде Комара спросонья шакъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

Такихъ примѣровъ есть немало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Откроетъ глаза на правду покусится;
Того и жди, что тоже съ нимъ случится,
Что съ Комаромъ.

X.

РЫЦАРЬ.

Какой-то Рыцарь встарину,
Задумавши искать великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній:
Вздѣлъ латы и велѣлъ къ крыльцу подвесть коня.
Но прежде, нежели въ сѣдло садишься,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратишься:
Послушай, ретивой и вѣрный конь, меня!
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И пусть отыскивай въ храмъ славы!
Когда жь карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну китайскую добуду,
И царства два-три покорю;
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду;
Съ тобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворецъ огромный,
Состроишь для тебя велю,

А лѣтомъ отведу луга тебѣ поёмны.
Теперь знакомъ
Ты мало и съ овсомъ;
Тогда у насъ пойдетъ инымъ все чередомъ:
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова пойло.
Тутъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло, и бросилъ повода:
А лошадь молодца, не ѣздя никуда,
Прямехонько примчала въ стойло.

XI.

ТѢНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавляшь,
Она туда жь; онъ наконецъ бѣжать:
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется: а тѣнь за нимъ ужь гнаться стала.

Красавицы, видалъ я много разъ:
Вы думаете что? Нѣтъ, право не про васъ!
А что бываетъ тожь съ форшуною у насъ.

Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараясь настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошелъ Топоръ въ худыхъ; Мужикъ всбѣсился:
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ Топоръ:
Бранитъ его хошь какъ Мужикъ найдетъ причину.
Негодный, онъ кричитъ однажды: съ эшихъ поръ
Ты будешь у меня щепать лучину;
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавишься умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножёмъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ.
Рубитъ, что мнѣ велишь, моя такая доля,
Смиренно отвѣчалъ Топоръ на окрикъ злой:
И такъ, хозяинъ мой,

Твоя святая воля,
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты попусту изшупишь,
А все ножемъ избы не срубишь.

XIII.

ТУЧА.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Обильнѣйшимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?
Сказала ей гора:
И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила;
Ты бъ область цѣлую отъ голода спасла:
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.

XIV.

ЛЕВЪ И ВОЛКЪ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ-подъ когтей кусочикъ урвала:
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась нимало
(Она глупа еще и молода была).
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ конечно несилёнъ,
Коль такъ смирёнъ:
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ разтерзалъ его, примолвя такъ: дружёкъ,
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужь не щенокъ.

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И СОКОЛЪ.

Собака, Человѣкъ, да Кошка, да Соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ.
Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя,
Какъ вдругъ изъ лѣса шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ на воздухъ, Кошка въ лѣсъ,
И Человѣкъ шутъ съ жизнью бы простился;

Но вѣрный песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А Человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякой
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхвативъ ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать льзя истиннаго друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И что сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что, такъ какъ въ баснѣ сей былъ вѣрной песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

XVI.

ВОЛКЪ И ПАСТУХИ.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Сказалъ имъ, уходя въ досадѣ:
Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы эшо сдѣлалъ я!

XVII.

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай Слонъ попалъ у льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И, такъ какъ водится, пошли догадки,
Чѣмъ въ милость вперся Слонъ?
Ни то красивъ, ни то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!
Толкуютъ звѣри межь собой.
Когда бы, говоритъ, вертя хвостомъ, лисица,
Былъ у него пушистый хвостъ такой,
Я не дивилась бы. Или, сестрица,
Сказалъ медвѣдь, хотя бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ,
Никто того не счелъ бы чрезвычайнымъ:
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ.
Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?
Вступился въ рѣчь ихъ волъ:
Ужь не сочли ли ихъ рогами?
Такъ вы не знаете, сказалъ осёлъ,
Ушами хлопая, чѣмъ могъ онъ полюбиться?

Послушайте жь меня, я радъ божиться:
Не будь лишь у него такихъ большихъ ушей,
Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей-ей!

Нерѣдко мы (хотя того не примѣчаемъ)
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XVIII.

КЛЕВЕТНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
А правду и они нерѣдко наблюдаютъ:
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
По случаю какому-то въ аду
Змѣя съ Клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенства оставить не хотѣли
И зашумѣли,
Кому изъ нихъ итти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ и жаркомъ и немаломъ
Передъ Змѣею Клеветникъ

Свой выставлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ, Клеветникъ - было за ней ужь очутился:
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того;
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился,
И осадилъ назадъ Змѣю,
Сказавъ: хотъ я твои заслуги признаю;
Но первенство ему поправдѣ отдаю:
Ты зла, твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и то не мало!):
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смирнѣй.
Съ тѣхъ поръ Клеветники въ аду почетнѣй Змѣй.

XIX.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистый въ лощинкѣ уголокъ,
И завела домокъ
Подъ тѣнью ивнячка, межь травки, какъ раёкъ.
Однако жь имъ она недолго веселилась.
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
О Боги, молится Лягушка изъ норы:
Меня вы бѣдную не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!
Лягушка вопитъ безъ умолку,
И наконецъ Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
Безумная, Юпитеръ говоритъ

(Знать не былъ онъ тогда сердитъ):
Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ зашѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ спащиться до болота?

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ, лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XX.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однако жь у него онѣ водились худо:
Да это и не чудо!
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезчуръ:
Такъ ихъ то крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ левъ большой куряшный дворъ,

И такъ его ухитишь и уладишь,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было бъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ льву доносятъ, что Лисица
Большая строитъ мастерица:
И дѣло ей поручено.
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все и стараньe и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье заглядѣнье;
А сверхъ того все есть, чего ни спросишь шутъ:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ напыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть пріютъ,
И укромонныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава Лисынькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчасъ повелѣнье
На новоселье куръ немедля перевесть.
Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется, и крѣпокъ дворъ,
И плотенъ и высокъ заборъ;
А куръ часъ отъ часу все менѣ.
Отколь бѣда, придумать не могли:
Но левъ велѣлъ стеречь. Кого жь подстерегли?
Тое жь Лису-злодѣйку.
Хотъ правда, что она свела строенье такъ,

Чтобы не ворвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

XXI.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризны мы Фортунѣ тароваты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее браняшъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
Слѣпое счастіе, шатаясь межь людей,
Не вѣчно у вельможь гостишъ и у царей;
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погостишь когда нибудь пристанешъ:
Лишь время не теряшь умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ.
Когда жь ты не умѣлъ при счастьѣ поживиться,
То не Фортунѣ ты, себѣ за то пѣняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

**

Домишка старинькой край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха;
Вездѣ потеря, иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашь плохой;
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ,
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ;
Посмотришь у него деревня, домъ и дача.

Теперь вы спросите: что жь третій получилъ?
Вѣдь вѣрно и ему Форшуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,
Что диво!
Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ томъ горазднъ;
А тутъ труды его невтунѣ:
Какъ ни взмахнетъ рукой, благодаря Форшунѣ,
Ни разу промаха не дастъ.
Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ Форшуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.
Читатель, будь ты самъ судьёю,
Кто жь въ этомъ виноватъ?

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

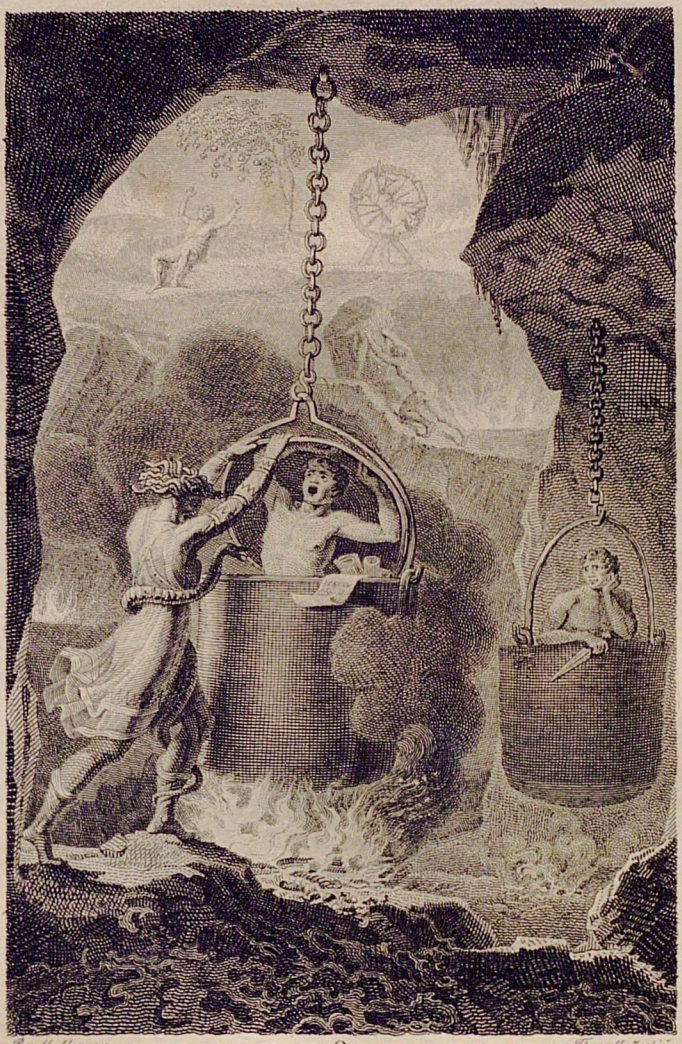

Рис: И. Ивановъ. Грав: И. Ческій.

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИКЪ.

БАСНИ.

I.

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ же часъ, Грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ петлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкой разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена, сладкогласенъ,
И, какъ Сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ;
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два кошла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.

Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили;
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасной пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонёкъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгарался.
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужь подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ:
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не видя облегченья,
Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ:
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ;
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужь за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
Ты ль Провидѣнію пѣняешь?
И ты ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,

Пока лишь жилъ;
А ты... уже твои давно изтлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку люотѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцевъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть? Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облёкъ
И страсти и порокъ?
И вонъ, упоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты виной.

И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружишься?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жь, здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра:
Сказала гнѣвная Мегера
И крышкою нахлопнула котёлъ.

II.

КУКУШКА И ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.
Что, кумушка, ты такъ грустна?
Ей съ вѣшки ласково Голубка ворковала:
Или о томъ, что миновала
У насъ весна
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы спали ближе? —
Какъ бѣдной мнѣ не горевать?
Кукушка говоритъ, будь ты сама судьёю:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И наконецъ я спала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!

И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты:
А я, какъ сирота, однимъ одна сижу,
И, что есть дѣтская привѣтливость, не знаю. —
Бѣдняжка: о тебѣ сердечно я страдаю;
Такъ у тебя ужь дѣти есть?
Когда же ты гнѣздо успѣла сплесть?
Я этаго и не видала:
Ты все порхала, да летала. —
Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я сидя разтеряла:
Ужь это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала. —
Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери, вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

III.

СКУПОЙ И КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;
Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

Вотъ, что въ ребячествѣ читалъ я про Скупаго!
Былъ человѣкъ, который никакаго
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно)?
Которa яицы несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этаго Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.

И такъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

IV.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая-себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется;
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ:
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страха жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ вѣрно мало толку.

Кто дѣловъ истинно, тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

V.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесной,
Однажды, проходя межь скалъ и межь стремнинъ
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути, свернувшись, будто ёжь,
Лежитъ чудь видное, не знаетъ, что такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И чтожь?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣва вспыхнувъ, тутъ Алкидъ
Тяжелой палицей своей его разитъ.
Глядитъ,
Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и ростетъ,
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.

Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
Оставь напрасный трудъ, мой братъ, она сказала:
Чудовищу сему названіе Раздоръ.
Не тронуто, его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться,
Оно отъ браней лишь пучнѣе становится,
И возрастаетъ выше горъ.

VI.

АПЕЛЛЕСЪ И ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезмѣру зараженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалишься,
Чего бы долженъ онъ стыдишься.

Съ Осленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ
Зоветъ къ себѣ Осленка въ гости;
Въ Осленкѣ заиграли кости.
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ,
И говоритъ звѣрямъ: какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ;
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,

Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.
Нѣтъ, Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ:
Намѣряся писать Мидасовъ судъ,
Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хошь встрѣчалось,
Но эшакихъ, какими ты богашь,
Не только у осляшъ,
Ни даже уословъ мнѣ видѣть не случалось.

VII.

ВОДОПАДЪ И РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменіемъ сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣшенъ,
Но силой славился лѣчебною своей):
Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходишь кто дивишься;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ? — Лѣчишся,
Смиренно прожурчалъ Ручей.

VIII.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю.
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
И такъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму,
И друга вѣрнаго по нраву и обычью,
Гектора, въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
Вотъ вздоръ, онъ говоритъ, дорога мнѣ знакома:
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь,
До мѣста жь ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ.
Но что жь? Лишь вонъ изъ жила

(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашему бъ тогда стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ;
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились и за лѣса веревкой потянулись,
А шамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу стрѣлокъ потомъ шаскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
И такъ охотникъ мой,
Измокши весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А все-таки пѣнялъ не на себя, на счастье.

IX.

ПЛОВЕЦЪ И МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкой погрузился;
Потомъ, проснувшися, онъ море клясть пустился.
Ты, говоритъ, всему виной!
Своей лукавой шишиной
Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь,
И, заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь.
Тутъ Море, на себя взявъ Амфитриды видъ,
Пловцу, явяся, говоритъ:
Начто винишь меня напрасно?
Плышь по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно.
Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины;
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли;
Я неподвижнѣе тогда земли.

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

X.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Къ Крестьянину вползла Змѣя,
И говоритъ: сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужь не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я
И кожу нынѣшней весной перемѣнила.
Однако жь Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: хошь ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все тоже;
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину;
Какъ хочешь, такъ мѣняй личину:
Себя подъ нею не спасешь,
И что съ Змѣей, съ тобой случиться можетъ тожь.

XI.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ роду Льва,
Съ нимъ встрѣвшись, со страшей осталась чуть жива.
Вошъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужь не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

Иначе также мы боимся,
Поколь къ чему не приглядимся.

XII.

МУРАВЕЙ.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрной)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна;
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ Муравей былъ не такаго нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими наконецъ такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.

На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣсиво вползъ
И вьѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей, то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ Муравья.
Уставши наконецъ шянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
Неправда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни шянусь я цѣлый часъ;
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ.
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Зашѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,

А онъ дивишъ
Свой столько муравейникъ.

XIII.

ОВЦЫ И СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у Овецъ,
Чтобъ волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число Собакъ умножить.
Что жь? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что Овцы отъ волковъ, то правда, уцѣлѣли,
Но и Собакамъ надо жь ѣсть;
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А тамъ по жеребью съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталося всего Овецъ пять-шесть,
И тѣхъ Собаки съѣли.

XIV.

ГРЕБЕНЬ.

Дитяти маминька расчесывать головку
Купила частой Гребешёкъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые,
И мягкіе, какъ тонкой лёнъ,
Любуясь, Гребешкомъ расчесываетъ онъ.
И что за Гребешекъ? Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однако же, что Гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокашилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подымаетъ вой:
Гдѣ Гребень мой?
И Гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ ни впередъ,

Лишь волосы до слезъ деретъ.
Какой ты злой Гребнишка!
Кричитъ мальчишка.
А Гребень говоритъ: мой другъ, все тотъ же я;
Да голова всклокачена твоя.
Однако жь мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ Гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся Наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ.
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста;
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ и принимаютъ:
Но только сталъ кривить душей;
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ.

XV.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шутки, какъ хочешь смѣло;
Но смерть вблизи совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины и ружья и собаки:
Такъ драка не по нёмъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ,
И говоритъ ловцу: мой другъ, какой виною
Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на Медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, на примѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,

Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка.
То правда, отвѣчалъ на то ловецъ ему:
Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
За то, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужь отъ тебя не вырывался цѣлъ.
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ.

XVI.

КОЛОСЪ.

На нивѣ, зыблемый погодой, Колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ нѣгѣ и въ добрѣ взлелѣянный цвѣтокъ,
Межь тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
Зачто вы, люди, такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ, иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ;
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы?
Не главной ли доходъ твой съ нивы:
А, посмотри, въ какой небрежности она!

Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ: мы совсѣмъ росши оставлены на счастье.
Тогда, какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сыпъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ,
За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что если бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ насъ самъ - сотъ,
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ бы въ столицу.
Подумай, выстрой-ко пошире намъ теплицу.
Мой другъ, хозяинъ отвѣчалъ,
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы
Разчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ:
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя жь и вѣтра ты проси себѣ у неба;
А если бъ умный твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ, и былъ бы я безъ хлѣба.

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ, иль гражданинъ,

Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходятъ иногда въ роптанье.
Имъ можно тожь почти сказать и въ оправданье.

XVII.

МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно,
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то, которые ужъ станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: какъ пристанища не дать?
Ужь ли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его - себѣ живётъ.
При томъ же важнаго убытка быть не можетъ,
Коль онъ листочка два - три сгложетъ.
Позволилъ; и Червякъ на дерево ползётъ;

Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межь тѣмъ ужь золотитъ плоды лучистый царь.
Вотъ въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣлъ все стало,
Наливное, сквозное какъ яшпарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣнёнъ;
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ:
Да доступъ къ яблоку мудрёнъ.
На яблоню Мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто жь въ кражѣ Мальчику помочь взялся? Червякъ.
Послушай, говоритъ, я знаю это точно:
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ непрочно;
Однако жь я берусь его достать,
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать.
Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;
Червякъ на яблоню, и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но что жь въ награду получилъ?

Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его Мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой:
И такъ ни Червяка, ни яблока не стало.

XVIII.

ПАСТУХЪ И МОРЕ.

Пастухъ въ Нептуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморьѣ, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель,
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, за то не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей.
Но, видя, наконецъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ анбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился,

Разпродалъ стадо, домъ, товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль и за Море пустился.
Однако же походъ его недологъ былъ;
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасетъ овецъ чужихъ
Изъ платы. Съ нуждою однако жь хоть большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другова,
Скопилъ денжонокъ онъ, завелся стадомъ снова,
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.
Вотъ нѣкогда, на берегу морскомъ,
При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя,
И видя,
Что на Морѣ едва колышется вода
(Такъ Море присмирѣло),
И плавно къ пристани бѣгутъ по ней суда:
Мой другъ, сказалъ, опять ты денегъ захотѣло;
Но ежели моихъ, пустое дѣло!

**

Ищи кого инаго ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужь честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А отъ меня впередъ копѣйки не достанешь.

Баснь эту лишнимъ я почелъ бы толковать;
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нее,
Ни одного, кто не былъ ей обманутъ.
А мнѣ, что говоришь ни станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что впереди, Богъ вѣсть; а что мое — мое.

XIX.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ встарину велось обыкновенье,
Когда кого хоронишь пышнѣе хоронишь,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ вышь.
Вотъ нѣкогда на знатномъ погребеньѣ
Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожала вѣчной
На упокой.
Тутъ странникъ, думая, что въ горести сердечной
То рвется вся покойника родня,
Скажите, говоритъ, не рады ли бъ вы были,
Когда бъ его вамъ воскресили?
Я магъ; на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ;
Покойникъ оживетъ сей часъ.
Отецъ, вскричали всѣ, обрадуй бѣдныхъ насъ!
Одной лишь милости притомъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ бы опять.

Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова,
Да врядъ ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То вышь по немъ наймутъ насъ вѣрно снова.

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему нибудь годна.

XX.

МАЛЬЧИКЪ И ЗМѢЯ.

Мальчишка, думая поймать Угря,
Схватилъ Змѣю, и, возрившись отъ страха,
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя на Мальчика спокойно посмотря,
Послушай, говоритъ, коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!

XXI.

ПЧЕЛА И МУХИ.

Двѣ Мухи собрались лешѣшь въ чужіе краи,
И стали подзывашь съ собой туда Пчелу.
Имъ насказали попуган
О дальныхъ сторонахъ большую похвалу.
При томъ же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ на родинѣ своей
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,
И что они за чудаки?):
Чтобъ поживиться имъ не дашь сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
Пушь добрый вамъ, Пчела на это отвѣчала;
А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за сопы я любовь себѣ сыскала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите
Куда хотите!

Вездѣ вамъ будетъ счастье тожъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны;
А рады науки лишь будутъ вамъ
И тамъ.

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишёнъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

XXII.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнушъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березняку и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попроситъ совѣта,
И говоритъ: сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья-шаки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?
Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ,
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.

XXIII.

МОТЪ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто; наконецъ
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой,
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но, Ласточку увидя, малой мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,

Что ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной:
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой.
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны?
Догадки малаго умны;
Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что Ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно, опять ошколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрыпятъ обозы,
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слёзы,
И Ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замершую. Тутъ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
Прокляшая, сгубила ты себя;
А, понадѣясь на тебя,
И я теперь не во время безъ шубы.

XXIV.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
По мнѣ пускай, что хочешь, говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиноватъ!
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить,
И добрую наружность сохранить.
Красавицы, вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста,
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью васъ даетъ возможность,
И ваша слава ужь не та.
Уже ли не глядѣть? Уже ль не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякой шагъ
Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.
Анюшочка, мой другъ!

Я для тебя и для твоихъ подругъ,
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ Ягненкомъ;
Поставь свою ты куклу въ уголокъ!
Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ сдуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Взревѣли, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И прежде, нежели опомнишься онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не разхватили.
По счастью пастухи, узнавъ его, отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы Ягненокъ былъ уменъ,
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Рис: И. Ивановъ. Грав: И. Ческій.

ВАСИЛЕКЪ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

БАСНИ.

I.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило!
Быть можетъ, и меня оно бы оживило.
Ужь какъ ты простъ, мой другъ!
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ.
Не ужь ли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ли, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.

Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ;
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И восхитительной для сердца красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ жалѣя коситъ;
А ты ни пышенъ, ни пахучь:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ бериге!
Смотриге:
Куда лишь лучь его достигнетъ; тамъ оно

Былинкѣ ль, кедру ли благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучь въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

II.

БУЛЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ валялся на пути;
Случилось наконецъ купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ,
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, Булыжникъ развозился;
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельстился,
И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
Пожалуй-ста, землякъ,
Возми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ Алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался?
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;

Такой же камень онъ и мнѣ набитой братъ.
Возми жь меня: какъ знать? Коль шамъ я покажуся;
То шакже, можетъ быть, на дѣло пригожуся.
Взялъ камень мужичекъ на свой тяжелой возъ
И въ городъ онъ его привёзъ.
Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мосшовой.

III.

ПЛОТИЧКА.

Хошь я и не пророкъ,
Но, видя мошылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почши всегда мнѣ удается,
Что крылышки сожешъ мой мошылёкъ.
Вошъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ:
Онъ и для взрослаго хорошъ и для ребенка.
Ужь ли вся басня шутъ: ты спросишь; погоди:
Нѣшъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.

Вотъ вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужь ты
Боишься длинноты.
Что жь дѣлать, милой другъ: возми терпѣнье!
Я самъ того жь боюсь.
Но какъ же быть? Теперь я старѣ становлюсь:
Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй.
Но чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,
То выслушай: слыхалъ я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ
И говорятъ:
За что винить шутъ? Это шалость;
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ страстью,
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенкой себя ты позабавить;
Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она,
И можетъ съ пользою тебя наставить.

Не помню у какой рѣки,
Злодѣи царства водянаго,

* *

Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутаго,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и притомъ лукава,
Небоязливаго была Плотичка нрава:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ въ чаяньѣ награды
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка;
Вотъ, думаетъ, взяла: въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой: глядь, крючекъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется,
Сорветъ приманку, увернется,
И, хоть ты что, обманетъ рыбака.
Послушай, говоритъ другая ей плотица:
Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.
Сегодня съ рукъ сошло, а завтра кто порука?
Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.
Вотъ, говоритъ моя Плотва:
Вѣдь я не близорука!
Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось!
Я вижу хитрость ихъ насквозь.

Вотъ видишь уду! Вонъ закинуша другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась:
Рванула съ той, съ другой; на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду.
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

IV.

ПАУКЪ И ПЧЕЛА.

По мнѣ шаланты тѣ негодны,
Въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ;
Хотъ иногда и имъ дивишся свѣтъ.

Купецъ на ярмонку привезъ полотны;
Они такой товаръ, что надобны для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбоя нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя то, завистливый Паукъ
На барыши купца прельстился,
Задумалъ на продажу ткать,

Купца зашѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основалъ, проткалъ наскозь всю ночь,
Поставилъ свои товаръ на диво,
Засѣлъ надувшися спѣсиво,
Отъ лавки не отходитъ прочь;

И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ: но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
Вотъ, говоритъ, жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тоньше шканье:
Купцово, иль мое?
Твое: кто въ этомъ споритъ смѣетъ?
Пчела отвѣтствуетъ; извѣстно то давно,
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?

V.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Когда почтенъ быть хочешь у людей,
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!

Мужикъ съ Змѣею подружился.
Извѣстно, что Змѣя хитра:
Такъ вкралась въ Мужика она,
Что ею только онъ и клялся и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня,
Никто къ нему ногой не побываетъ.
Помилуйте, Мужикъ пѣняетъ,
За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?
Нѣтъ, кумъ - Машвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ,
Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ;
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)
Ни огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ:
Но что жь за радость, разсуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого, подползши, не ужалилъ?

VI.

КОТЕЛЪ И ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ Котломъ большую дружбу свелъ:
Хотя и познатнѣй породою Котелъ;
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за сваша;
Горшокъ съ Котломъ за панибраша;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ
И съ очага и на очагъ.
Вотъ вздумалось Котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ.
Горшокъ нашъ отъ Котла никакъ не отстаетъ,
И вмѣстѣ на одну тѣлегу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ тѣлегѣ межь собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы;
Котлу бездѣлица: горшки нашурой слабы;
Отъ каждаго толчка Горшку большой накладъ.
Однако жъ онъ не думаетъ назадъ,

И глиняной горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой Котелъ съ дороги ворошился,
А отъ Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и въ дружбѣ вещь святая.

VII.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ кохтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самаго едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,

То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ столь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя роптъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ,
Какъ видитъ, что оселъ туда жъ, нашужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
О боги, возопилъ стеная Левъ тогда,
Чтобъ не дожить до этаго стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе:
Какъ смерть моя ни зла,
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.

VIII.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Отколѣ умная бредешь ты голова?
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
Сей часъ лишь отъ льва:
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,

Куда глаза глядятъ, отъ этаго урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ;
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли? Въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами.
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымѣщалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами.
Но ты коснуться льву конечно не дерзнулъ?
Лиса Осла перерываетъ.
Вотъ на! Оселъ ей отвѣчаетъ,
А мнѣ чего робѣть? И я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыты знаетъ.

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь съ высоты,
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады!

IX.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
Вѣдь это дереву вредитъ,
Ей съ дуба воронъ говоритъ:
Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.
Пусть сохнетъ, говоритъ Свинья:
Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хошь вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.
Неблагодарная, промолвилъ дубъ ей тутъ:
Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье

И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

X.

МУХА И ПЧЕЛА.

Въ саду весной, при легкомъ вѣшеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась Муха сидя,
И на цвѣткѣ Пчелу увидя,
Спѣсиво говоритъ: ужь какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудишься цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, на примѣръ, мое
Такъ право райское житье.
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И молвить не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможь и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, имянины;
Изъ первыхъ я ужь вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,

И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю изъ лакомыхъ сластей,
Притомъ же, жалуя полъ нѣжной,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной.
Все это знаю я, отвѣтствуетъ Пчела;
Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ.
Вотъ, Муха говоритъ, гоняютъ: что жъ такое!
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое.

XI.

МѢЛЬНИКЪ.

У Мѣльника вода плотину прососала:
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мѣльникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день отто дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
Эй, Мѣльникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться.
А Мѣльникъ говоритъ: далеко до бѣды,
Не море надо мнѣ воды,
И ею мѣльница по весь мой вѣкъ богата.
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жорновъ, мѣльница не служитъ.
Хватился Мѣльникъ мой: и охаетъ и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.

Негодныя, кричишь, хохлашки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать:
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое жь сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Что есть такіе Господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ верхъ дномъ?

XII.

ЗМѢЯ И ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлый свѣтъ;
У ней другаго чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужь такъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вошъ, выползши она, въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яда въ немъ горитъ.
Что сдѣлалъ я тебѣ: Змѣѣ онъ говоритъ. —
Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня, шипитъ ему Змѣя:
Изъ осторожности тебя караю я. —
Ахъ, нѣтъ, онъ отвѣчалъ: и съ жизнью тутъ разстался.

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ;
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

XIII.

ДИКІЯ КОЗЫ.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ дикихъ Козъ.
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слёзъ:
Прекрасно, говоритъ, ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;
И не доѣмъ и не досплю,
А милыхъ Козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,
И масла и сыры скопляетъ.
Подъ часъ онъ тожь и шкурки съ нихъ деретъ:
Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ.
А корму на зиму у пастуха запасъ.
Вотъ отъ своихъ овецъ онъ къ гостьямъ кормъ шаскаетъ;
Голубитъ ихъ, ласкаетъ;
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ;
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,
Теперь покамѣстъ не до нихъ,

И со своими жь легче сладить:
Сѣна имъ бросить по клочку,
А станутъ приступать, такъ дать имъ по толчку,
Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То Козы дикія всѣ въ горы разбѣжались;
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна;
Свое же стадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ къ веснѣ съ сумой,
Хотя зимой,
На барыши въ умѣ расчитывалъ прекрасно.
Пастухъ! Тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ дикихъ тратить кормъ напрасно,
Не лучше ли бъ своихъ поболѣе беречь?

XIV.

ГОЛИКЪ.

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь;
Ужь онъ половъ не будетъ въ кухняхъ месть:
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).
Вошъ развозился мой Голикъ:
По плашью барскому безъ устали колотитъ;
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотитъ.
И подлинно, что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ:
Что жь пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

Бываетъ столько же вреда,
Когда
Невѣжа не въ свои дѣла вплетется,
И поправлять труды ученаго возмется.

XV.

БОГАЧЬ И ПОЭТЪ.

Съ великимъ Богачемъ Поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощь и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спѣсью весь раздутъ.
Умилосердися, Олимпа самодержецъ,
Тучегонитель, громовержецъ!
Кричитъ Поэтъ: чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ;
Межь тѣмъ, когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ,
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ.
А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки:
Юпитеръ отвѣчалъ, а про него

Не только правнуки, не будутъ вѣдать внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жь въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль при его умѣ была бъ возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность,
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой роптамъ.

XVI.

СОЛОВЬИ.

Какой-то птицеловъ
Весною наловилъ по рощамъ соловьёвъ.
Пѣвцы разсажены по клѣткамъ и запѣли,
Хошь лучше бъ по лѣсамъ гуляшь они хотѣли:
Когда сидишь въ тюрмѣ, до пѣсень ли ужь тутъ?
Но дѣлать нечего: поютъ,
Кто съ горя, кто отъ скуки.
Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей
Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:
Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей;
Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.
Сквозь слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле;
Тоскуетъ день и ночь;

Однако жь думаешъ: злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдствa,
А умный ищетъ средствa,
Какъ дѣломъ горю пособить,
И, кажется, бѣду могу я съ шеи сбыть;
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать:
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Быть можетъ, тѣмъ себѣ свободу заслужу.
И началъ пѣсни мой пѣвецъ:
И вечеръ пѣснями кончаетъ,
И солнечный восходъ онъ пѣснями встрѣчаетъ.
Но что же вышло наконецъ?
Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю.
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно
Хозяинъ отворилъ и клѣтки и окно,
И разпустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ Овцу;
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло:
Судья лиса; оно въ минуту закипѣло.
Допросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказашь по пунктамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Крестьянинъ говоритъ: шакаго-то числа
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались;
Отъ нихъ лишь косточки, да перушки остались;
А на дворѣ одна Овца была.
Овца же говоритъ: она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакаго
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мяснова.
И приговоръ лисы вотъ отъ слова до слова:
Понеже хоронитъ концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;

Но такъ какъ, со двора не отлучаясь прочь,
Овца та съ курами была одна всю ночь,
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То, обстоятельства соображая дѣла,
Я признаюсь по совѣсти моей,
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И въ слѣдствіе того казнить Овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

XVIII.

СКУПОЙ.

Какой-то Домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ
Отъ демонскаго воеводы
Летѣть за тридевять земель на многи годы.
А служба такова: хоть радъ, или нерадъ,
Исполнить должно повелѣнье.
Мой Домовой въ большомъ недоумѣньѣ:
Какъ безъ себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?

Нанять смотрителя, построить кладовые:
Разходы надобно большіе;
Оставишь такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть;
Нельзя ручаться ни за сушки;
И вырыть могутъ и украсть:
На деньги люди чушки.
Хлопочетъ, думаетъ: и вздумалъ наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому,
И говоритъ: хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощаньѣ въ знакъ пріязни
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь себѣ и веселись,
И трать ихъ безъ боязни!
Когда же придетъ смерть твоя;
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!
Сказалъ, и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ другой.
Исправя службу, Домовой
Летитъ домой
Въ отечески предѣлы.
Что жь видитъ? О восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ
Отъ голода издохъ на сундукѣ;

И всѣ червонцы цѣлы.
Тутъ Духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ,
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

Когда у золота скупой ни ѣстъ, ни пьетъ,
Не Домовому ль онъ червонцы бережетъ?

XIX.

ВОЛКЪ И МЫШЕНОКЪ.

Изъ стада сѣрый Волкъ
Въ лѣсъ овцу зашащилъ, въ укромный уголокъ,
Ужь разумѣется не въ гости:
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И такъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ;
Оставилъ къ ужину запасъ, и подлѣ лѣгъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вошъ, близкаго его сосѣда,
Мышенка запахомъ пирушки привлекло.

Межь мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мясца, и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой;
Кричитъ онъ: караулъ, разбой!
Держите вора! Раззоренье:
Расхитили мое имѣнье.

Такое жь въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча - судьи часишки воръ стянулъ,
И онъ кричитъ на вора: караулъ!

XX.

ДВА МУЖИКА.

Здорово, кумъ Ѳаддей! Здорово, кумъ Егоръ!
Ну, каково, пріятель, поживаешь?
Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.
Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!

Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признашься, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-шо заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну шы какъ? Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знашь, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ осшался живъ, счишаю право дивомъ.
Я, шожь о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И шоже черезъ чуръ, признашься, я хлѣбнулъ
Съ друзьями палугара;
А чшобъ въ хмѣлю не сдѣлашь мнѣ пожара,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ пошмахъ шакъ съ лѣсшницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вошъ я съ шой поры колѣка.
Пѣняйше на себя, друзья!
Сказалъ имъ свашъ Сшепанъ. Коль молвишь правду, я
Совсѣмъ не чшу за чудо,
Что шы сожегъ свой дворъ, а шы на косшыляхъ;
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже ль и въ пошмахъ.

XXI.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бъ надъ рыбами поставить въ воеводы?
Какъ водится, пошли на голоса:
И выбрана была лиса.
Вотъ лисынька на воеводство сѣла:
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичекъ пріятель, сватъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межь тѣмъ, какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,
Кумъ рыбку удитъ,
И дѣлитъ съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.
Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, разклалъ у рѣчки огонекъ,

И съ кумушкой попировать сбирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жара, кто какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, мешался.
На мужика разинувъ зевъ:
Кто ты, что дѣлаешь, спросилъ сердито левъ.
Великій государь, отвѣтствуетъ плутовка
(У лисыньки всегда въ запасѣ есть уловка),
Великій государь,
Онъ у меня здѣсь секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;
А это караси, все жители воды:
Мы всѣ пришли сюды
Поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ приходомъ.
Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? Доволенъ ли вашъ край?
Великій государь, здѣсь не житье имъ, рай:
Лишь только бъ дни твои безцѣнные продлились
(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
Да отъ чего же, левъ спросилъ, скажи ты мнѣ,
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?
О мудрый левъ, лиса отвѣтствуетъ, онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ.
Не могши болѣ тутъ левъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
Въ своихъ кохшяхъ заставилъ пѣть.

XXII.

КОТЕНОКЪ И СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ Скворецъ:
Философъ, говорунъ презнатный;
И свелъ съ Котенкомъ дружбу онъ.
Котенокъ былъ ужь котикъ преизрядный,
Но тихъ и вѣжливъ и смирёнъ.
Вошъ какъ-то былъ въ столѣ Котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучитъ:
Задумчивъ бродитъ онъ, скучаючи постомъ;
Поводитъ ласково хвостомъ,
И жалобно мяучитъ.
А философъ Котенка учитъ,
И говоритъ ему: мой другъ, ты очень простъ,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ надъ носомъ твоимъ виситъ щегленокъ:
Я вижу, ты прямой котенокъ.
Но совѣсть... Какъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ,
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ пустыя только шутки!

На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ.
Вотъ доказательства тебѣ и вотъ примѣры.
Тутъ на свои манеры
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку натощакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ такой Котенка,
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однако же второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
И говоритъ Скворцу: спасибо, милый кумъ!
Наставилъ ты меня на умъ.
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

XXIII.

ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый вѣрный пёсъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу нёсъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,

На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластится, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
Ну что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?
На счастье грѣхъ роптать: Жужутка отвѣчаетъ.
Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
Рѣзвлюся съ бариномъ: а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь? — Я, отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ,
Живу по-прежнему: терплю и холодъ
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйской домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождёмъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ
Безсиленъ бывши такъ и малъ?

Межь тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно,
Чѣмъ служишь ты?—Чѣмъ служишь—вотъ прекрасно,
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
На заднихъ лапкахъ я хожу.

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

XXIV.

КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Поймала Кошка Соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила,
И, ласково его сжимая, говорила:
Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говоритъ лиса кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсень
Всѣ пастухи, пастушки безъ ума.
Хотѣла бъ очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ, не будь, мой другъ, упрямъ,

Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что нибудь, тебѣ я волю дамъ
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю,
И часто, про себя мурлыча, засыпаю.
Межь тѣмъ мой бѣдный Соловей
Едва, едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
Ну, что же: продолжаешь Кошка,
Пропой, дружокъ, хотя немножко.
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
Такъ этимъ-то лѣса ты восхищалъ?
Съ насмѣшкою она спросила.
Гдѣ жь эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку твердятъ?
Мнѣ скученъ писк такой и ошъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе неискусенъ.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ:
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

XXV.

ПРИХОЖАНИНЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель.
За то уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хошь, можетъ быть, я имъ немного досажу,
Но вмѣсто басни быль на это я скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,
Возьемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный пищетой.
Душь пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ

Восхищенный въ сердечномъ умиленьѣ,
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жь изъ Божьяго міряне вышли дому:
Какой пріятный даръ,
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому;
Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать, чорствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ? — Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не этаго прихода.

XXVI.

ВОРОНА.

Когда не хочешь быть смѣшенъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдимъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Нашыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спѣсиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ее
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ опъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужь о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.

Она - было назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея зашѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за Барона.
Что жь вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрёна
Ни пава, ни ворона.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(Басни, отмѣченныя звѣздочкою, значатъ переводъ, или подражаніе.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

Стран.

I. Конь и Всадникъ . . . . . 3.
II. Ворона и Лисица * . . . . . 5.
III. Дубъ и Трость * . . . . . 6.
IV. Музыканты . . . . . 8.
V. Два Голубя * . . . . . 9.
VI. Лягушка и Волъ * . . . . . 13.
VII. Ворона и Курица . . . . . 14.
VIII. Ларчикъ . . . . . 15.
IX. Моръ звѣрей * . . . . . 17.
X. Пѣшухъ и Жемчужное зерно * . . . . 21.
XI. Разборчивая Невѣста * . . . . . 22.
XII. Волкъ и Ягненокъ * . . . . . 25.
XIII. Парнасъ . . . . . 27.
XIV. Левъ и Комаръ * . . . . . 29.
XV. Оракулъ . . . . . 31.
XVI. Роща и Огонь . . . . . 32.
XVII. Лягушки, просящія царя * . . . . 34.
XVIII. Старикъ и трое Молодыхъ * . . . . . 37.
XIX. Орелъ и Куры . . . . . 39.
XX. Муха и Дорожные * . . . . . 41.
XXI. Обезьяны . . . . . 43.
XXII. Пустынникъ и Медвѣдь * . . . . . 45.
XXIII. Стрекоза и Муравей * . . . . . 48.
XXIV. Квартетъ . . . . . 49.

КНИГА ВТОРАЯ.

Стран.

I. Чижъ и Ежъ . . . . . 53.
II. Левъ на ловлѣ * . . . . . 54.
III. Синица . . . . . 55.
IV. Оселъ . . . . . 57.
V. Червонецъ . . . . . 59.
VI. Безбожники . . . . . 61.
VII. Маршышка и Очки . . . . . 63.
VIII. Троеженецъ . . . . . 64.
IX. Левъ и Барсъ . . . . . 66.
X. Вельможа и Философъ . . . . . 68.
XI. Раздѣлъ . . . . . 69.
XII. Бочка . . . . . 70.
XIII. Прохожіе и Собаки . . . . . 72.
XIV. Волкъ на псарнѣ . . . . . 73.
XV. Лжецъ . . . . . 75.
XVI. Ручей . . . . . 78.
XVII. Лисица и Сурокъ . . . . . 80.
XVIII. Заяцъ на ловлѣ . . . . . 81.
XIX. Орелъ и Пчела . . . . . 82.
XX. Щука и Котъ . . . . . 84.
XXI. Волкъ и Кукушка . . . . . 86.
XXII. Крестьянинъ и Работникъ . . . . . 88.
XXIII. Обозъ . . . . . 89.
XXIV. Демьянова уха . . . . . 91.
XXV. Собачья дружба . . . . . 93.

КНИГА ТРЕТІЯ.

I. Фортуна и Нищій . . . . . 99.
II. Откупщикъ и Сапожникъ * . . . . . 101.
III. Вороненокъ * . . . . . 105.
IV. Крестьянинъ и Смерть * . . . . . 107.
V. Подагра и Паукъ * . . . . . 108.

Стран.

VI. Лисица и Виноградъ* . . . . . 112.
VII. Оселъ и Соловей . . . . . 113.
VIII. Слонъ на воеводствѣ . . . . . 114.
IX. Крестьянинъ въ бѣдѣ . . . . . 116.
X. Хозяинъ и Мыши . . . . . 118.
XI. Слонъ и Моська . . . . . 119.
XII. Волкъ и Волченокъ . . . . . 120.
XIII. Обезьяна . . . . . 122.
XIV. Совѣтъ мышей . . . . . 123.
XV. Мѣшокъ . . . . . 125.
XVI. Котъ и Поваръ . . . . . 128.
XVII. Огородникъ и Философъ . . . . . 130.
XVIII. Крестьянинъ и Лисица . . . . . 132.
XIX. Воспитаніе Льва . . . . . 134.
XX. Листы и Корни . . . . . 138.
XXI. Гуси . . . . . 140.
XXII. Свинья . . . . . 141.
XXIII. Орелъ и Паукъ . . . . . 142.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Оселъ и Мужикъ . . . . . 147.
II. Лань и Дервишъ . . . . . 148.
III. Орелъ и Кротъ . . . . . 149.
IV. Волкъ и Лисица . . . . . 151.
V. Бумажный Змѣй . . . . . 152.
VI. Дерево . . . . . 153.
VII. Лебедь, Щука и Ракъ . . . . . 155.
VIII. Собака . . . . . 156.
IX. Механикъ . . . . . 157.
X. Прудъ и Рѣка . . . . . 159.
XI. Тришкинъ кафтанъ . . . . . 161.
XII. Крестьянинъ и Разбойникъ . . . . . 162.
XIII. Цвѣты . . . . . 163.

Стран.

XIV. Любопытный . . . . . 164.
XV. Мірская сходка . . . . . 165.
XVI. Крестьянинъ и Змѣя . . . . . 167.
XVII. Скворецъ . . . . . 169.
XVIII. Волкъ и Журавль * . . . . . 170.
XIX. Пожаръ и Алмазъ . . . . . 171.
XX. Крестьяне и Рѣка . . . . . 173.
XXI. Добрая Лисица . . . . . 174.
XXII. Водолазы . . . . . 177.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Напраслина . . . . . 185.
II. Чижь и Голубь . . . . . 187.
III. Хмѣль . . . . . 188.
IV. Мышь и Крыса . . . . . 189.
V. Госпожа и двѣ служанки * . . . . 190.
VI. Камень и Червякъ . . . . . 192.
VII. Медвѣдь у Пчелъ . . . . . 193.
VIII. Зеркало и Обезьяна . . . . . 195.
IX. Комаръ и Пастухъ . . . . . 196.
X. Рыцарь . . . . . 197.
XI. Тѣнь и Человѣкъ . . . . . 198.
XII. Крестьянинъ и Топоръ . . . . . 199.
XIII. Туча . . . . . 200.
XIV. Левъ и Волкъ . . . . . 201.
XV. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ . 202.
XVI. Волкъ и Пастухи * . . . . . 204.
XVII. Слонъ въ случаѣ . . . . . 205.
XVIII. Клеветникъ и Змѣя . . . . . 206.
XIX. Лягушка и Юпитеръ . . . . . 208.
XX. Лиса - строитель . . . . . 209.
XXI. Фортуна въ гостяхъ . . . . . 211.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Стран.

I. Сочинитель и Разбойникъ . . . . . 217.
II. Кукушка и Горлинка . . . . . 220.
III. Скупой и Курица * . . . . . 222.
IV. Двѣ Бочки . . . . . 223.
V. Алкидъ * . . . . . 224.
VI. Апеллесъ и Осленокъ . . . . . 225.
VII. Водопадъ и Ручей . . . . . 226.
VIII. Охотникъ . . . . . 227.
IX. Пловецъ и Море * . . . . . 229.
X. Крестьянинъ и Змѣя . . . . . 230.
XI. Левъ и Лисица * . . . . . 231.
XII. Муравей . . . . . 232.
XIII. Овцы и Собаки . . . . . 234.
XIV. Гребень . . . . . 235.
XV. Медвѣдь въ сѣтяхъ . . . . . 237.
XVI. Колосъ . . . . . 238.
XVII. Мальчикъ и Червякъ . . . . . 240.
XVIII. Пастухъ и Море * . . . . . 242.
XIX. Похороны . . . . . 245.
XX. Мальчикъ и Змѣя * . . . . . 246.
XXI. Пчела и Мухи . . . . . 247.
XXII. Трудолюбивый Медвѣдь . . . . . 248.
XXIII. Мотъ и Ласточка * . . . . . 249.
XXIV. Ягненокъ . . . . . 251.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I. Василекъ . . . . . 255.
II. Булыжникъ и Алмазъ . . . . . 257.
III. Плотичка . . . . . 258.
IV. Паукъ и Пчела . . . . . 261.
V. Крестьянинъ и Змѣя . . . . . 263.
VI. Котелъ и Горшокъ * . . . . . 264.

Стран.

VII. Левъ состарѣвшійся * . . . . . 265.
VIII. Лисица и Оселъ * . . . . . 266.
IX. Свинья подъ дубомъ . . . . . 268.
X. Муха и Пчела . . . . . 269.
XI. Мѣльникъ . . . . . 271.
XII. Змѣя и Овца . . . . . 273.
XIII. Дикія Козы * . . . . . 274.
XIV. Голикъ . . . . . 276.
XV. Богачь и Поэтъ . . . . . 277.
XVI. Соловьи . . . . . 278.
XVII. Крестьянинъ и Овца . . . . . 280.
XVIII. Скупой . . . . . 281.
XIX. Волкъ и Мышенокъ . . . . . 283.
XX. Два мужика . . . . . 284.
XXI. Рыбьи пляски . . . . . 286.
XXII. Котенокъ и Скворецъ . . . . . 288.
XXIII. Двѣ Собаки . . . . . 289.
XXIV. Кошка и Соловей . . . . . 291.
XXV. Прихожанинъ . . . . . 293.
XXVI. Ворона . . . . . 295.

АЛФАВИТЪ БАСНЯМЪ.

А.

Алкидъ . . . . . Книга VI. Баснь 5.
Алмазъ (Булыжникъ и) . . —— VII. —— 2.
Алмазъ (Пожаръ и) . . . —— IV. —— 19.
Апеллесъ и Осленокъ . . . —— VI. —— 6.

Б.

Барсъ (Левъ и) . . . . . —— II. —— 9.
Безбожники . . . . . —— II. —— 6.
Богачь и Поэтъ . . . . . —— VII. —— 15.
Бочка . . . . . —— II. —— 12.
Бочки (двѣ) . . . . . —— VI. —— 4.
Булыжникъ и Алмазъ . . . —— VII. —— 2.
Бумажный змѣй . . . . . —— IV. —— 5.

В.

Василекъ . . . . . —— VII. —— 1.
Вельможа и Философъ . . . —— II. —— 10.
Виноградъ (Лисица и) . . . —— III. —— 6.
Водолазы . . . . . —— IV. —— 22.
Водопадъ и Ручей . . . . —— VI. —— 7.
Волкъ и Волченокъ . . . . —— III. —— 12.
Волкъ и Журавль . . . . —— IV. —— 18.
Волкъ и Кукушка . . . . —— II. —— 21.
Волкъ (Левъ и) . . . . . —— V. —— 14.
Волкъ и Лисица . . . . . —— IV. —— 4.
Волкъ и Мышенокъ . . . . —— VII. —— 19.

Волкъ на псарнѣ	Книга II.	Баснь 14.
Волкъ и Пастухи	—— V.	—— 16.
Волкъ и Ягненокъ	—— I.	—— 12.
Волченокъ (Волкъ и) . . .	—— III.	—— 12.
Волъ (Лягушка и)	—— I.	—— 6.
Ворона	—— VII.	—— 26.
Ворона и Курица	—— I.	—— 7.
Ворона и Лисица	—— I.	—— 2.
Вороненокъ	—— III.	—— 3.
Воспитаніе Льва	—— III.	—— 19.
Всадникъ (Конь и)	—— I.	—— 1.

Г.

Голикъ	—— VII.	—— 14.
Голубь (Чижъ и)	—— V.	—— 2.
Голубя (два)	—— I.	—— 5.
Горлинка (Кукушка и) . .	—— VI.	—— 2.
Горшокъ (Котелъ и) . . .	—— VII.	—— 6.
Госпожа и двѣ служанки . .	—— V.	—— 5.
Гребень	—— V.	—— 5.
Гуси	—— III.	—— 21.

Д.

Два Голубя	—— I.	—— 5.
Два мужика	—— VII.	—— 20.
Двѣ бочки	—— VI.	—— 4.
Двѣ собаки	—— VII.	—— 23.
Демьянова уха	—— II.	—— 24.
Дервишъ (Лань и)	—— IV.	—— 2.
Дерево	—— IV.	—— 6.
Дикія козы	—— VII.	—— 13.
Добрая лисица	—— IV.	—— 21.

Дорожные (Муха и) . . . . Книга I. Баснь 20.
Дружба (Собачья) . . . . —— II. —— 25.
Дубъ и Трость . . . . . —— I. —— 3.

Е.

Ежь (Чижь и) . . . . . —— II. —— 1.

Ж.

Жемчужное зерно (Пѣтухъ и) . —— I. —— 10.
Журавль (Волкъ и) . . . . . —— IV. —— 18.

З.

Заяцъ на ловлѣ . . . . . —— II. —— 18.
Звѣрей (моръ) . . . . . —— I. —— 9.
Зеркало и Обезьяна . . . . —— V. —— 8.
Змѣй (бумажный) . . . . . —— IV. —— 5.
Змѣя (Крестьянинъ и) . . . —— IV. —— 16.
—— —— —— —— . . . —— VI. —— 10.
—— —— —— —— . . . —— VII. —— 5.
Змѣя (Мальчикъ и) . . . . —— VI. —— 20.
Змѣя и Овца . . . . . —— VII. —— 12.

К.

Камень и Червякъ . . . . —— V. —— 6.
Кафтанъ (Тришкинъ) . . . —— IV. —— 11.
Квартетъ . . . . . —— I. —— 24.
Клеветникъ и Змѣя . . . . —— V. —— 18.
Козы (дикія) . . . . . —— VII. —— 13.
Колосъ . . . . . —— VI. —— 16.
Комаръ (Левъ и) . . . . . —— I. —— 14.
Комаръ и Пастухъ . . . . —— V. —— 9.

Конь и Всадникъ . . . . . Книга I. Баснь 1.
Корни (Листы и) . . . . —— III. —— 20.
Котелъ и Горшекъ . . . . —— VII. —— 6.
Котенокъ и Скворецъ . . . —— VII. —— 22.
Кошъ и Поваръ . . . . . —— III. —— 16.
Кошъ (Щука и) . . . . . —— II. —— 20.
Кошка (Собака, Человѣкъ) и Соколъ —— V. —— 15.
Кошка и Соловей . . . . —— VII. —— 24.
Крестьяне и Рѣка . . . . —— IV. —— 20.
Крестьяне въ бѣдѣ . . . . —— III. —— 9.
Крестьянинъ и Змѣя . . . —— IV. —— 16.
— — — — — — —— . . . —— VI. —— 10.
— — — — — — —— . . . —— VII. —— 5.
Крестьянинъ и Лисица . . —— III. —— 18.
Крестьянинъ и Овца . . . —— VII. —— 17.
Крестьянинъ и Работникъ . —— II. —— 22.
Крестьянинъ и Разбойникъ . —— IV. —— 12.
Крестьянинъ и Смерть . . —— III. —— 11.
Крестьянинъ и Топоръ . . —— V. —— 12.
Кротъ (Орелъ и) . . . . —— IV. —— 4.
Крыса (Мышь и) . . . . —— V. —— 4.
Кукушка (Волкъ и) . . . —— II. —— 21.
Кукушка и Горлинка . . . —— VI. —— 2.
Курица (Ворона и) . . . . —— I. —— 7.
Курица (Скупой и) . . . . —— VI. —— 3.
Куры (Орелъ и) . . . . —— I. —— 19.

Л.

Лань и Дервишь . . . . —— IV. —— 2.
Ларчикъ . . . . . —— I. —— 8.
Ласточка (Мошь и) . . . —— VI. —— 23.
Левъ и Барсъ . . . . . —— II. —— 9.
Левъ и Волкъ . . . . . —— V. —— 14.

Левъ и Комаръ	Книга	I.	Баснь	14.
Левъ и Лисица	——	VI.	——	11.
Левъ на ловлѣ	——	II.	——	2.
Левъ состарѣвшійся . . .	——	VII.	——	7.
Лебедь, Щука и Ракъ . . .	——	IV.	——	7.
Лжецъ	——	II.	——	15.
Лиса - строитель	——	V.	——	20.
Лисица и Виноградъ . . .	——	III.	——	6.
Лисица (Волкъ и)	——	IV.	——	4.
Лисица (Ворона и)	——	I.	——	2.
Лисица (добрая)	——	IV.	——	21.
Лисица (Крестьянинъ и) . .	——	III.	——	18.
Лисица (Левъ и)	——	VI.	——	11.
Лисица и Оселъ	——	VII.	——	8.
Лисица и Сурокъ	——	II.	——	17.
Листы и Корни	——	III.	——	20.
Льва (воспитаніе)	——	III.	——	19.
Любопытный	——	IV.	——	14.
Лягушка и Волъ	——	I.	——	6.
Лягушка и Юпитеръ . . .	——	V.	——	19.
Лягушки, просящія царя . .	——	I.	——	17.

М.

Мальчикъ и Змѣя	——	VI.	——	20.
Мальчикъ и Червякъ . . .	——	VI.	——	17.
Маршышка и Очки	——	II.	——	7.
Медвѣдь въ сѣтяхъ	——	VI.	——	15.
Медвѣдь (Пустынникъ и) . .	——	I.	——	22.
Медвѣдь (трудолюбивый) .	——	VI.	——	22.
Медвѣдь у пчелъ	——	V.	——	7.
Мѣльникъ	——	VII.	——	11.
Механикъ	——	IV.	——	9.
Мірская сходка	——	IV.	——	15.

Море (Пастухъ и) . . . . . Книга VI. Басня 18.
Море (Пловецъ и) . . . . . —— VI. —— 9.
Моръ звѣрей . . . . . —— I. —— 9.
Моська (Слонъ и) . . . . . —— III. —— 11.
Мотъ и Ласточка . . . . . —— VI. —— 23.
Мужика (два) . . . . . —— VII. —— 20.
Мужикъ (Оселъ и) . . . . . —— IV. —— 1.
Музыканшы . . . . . —— I. —— 4.
Муравей . . . . . —— VI. —— 12.
Муравей (Стрѣкоза и) . . . —— I. —— 23.
Муха и дорожные . . . . . —— I. —— 20.
Муха и Пчела . . . . . —— VII. —— 10.
Мухи (Пчела и) . . . . . —— VI. —— 21.
Мышей (совѣтъ) . . . . . —— III. —— 14.
Мышенокъ (Волкъ и) . . . . —— VII. —— 19.
Мыши (Хозяинъ и) . . . . . —— III. —— 10.
Мышь и Крыса . . . . . —— V. —— 4.
Мѣшокъ . . . . . —— III. —— 15.

Н.

Напраслина . . . . . —— V. —— 1.
Невѣста (разборчивая) . . . . —— I —— 11.
Нищій (Форшуна и) . . . . . —— III. —— 1.

О.

Обезьяна . . . . . —— III. —— 13.
Обезьяна (Зеркало и) . . . . —— V. —— 8.
Обезьяны . . . . . —— I. —— 21.
Обозъ . . . . . —— II. —— 23.
Овца (Змѣя и) . . . . . —— VII. —— 12.
Овца (Крестьянинъ и) . . . —— VII. —— 17
Овцы и Собаки . . . . . —— VI. —— 13.
Огонь (Роща и) . . . . . —— I. —— 16.

Огородникъ и Философъ . . Книга III. Баснь 17.
Оракулъ . . . . . — I. — 15.
Орелъ и Кротъ . . . . . — IV. — 3.
Орелъ и Куры . . . . . — I. — 19.
Орелъ и Паукъ . . . . . — III. — 23.
Орелъ и Пчела . . . . . — II. — 19.
Оселъ . . . . . — II. — 4.
Оселъ (Лисица и) . . . . . — VII. — 8.
Оселъ и Мужикъ . . . . . — IV. — 1.
Оселъ и Соловей . . . . . — III. — 7.
Осленокъ (Апеллесъ и) . . . — VI. — 6.
Откупщикъ и Сапожникъ . . — III. — 2.
Охотникъ . . . . . — VI. — 8.
Очки (Мартышка и) . . . — II. — 7.

П.

Парнасъ . . . . . — I. — 13.
Пастухи (Волкъ и) . . . . — V. — 16.
Пастухъ (Комаръ и) . . . — V. — 9.
Пастухъ и Море . . . . . — VI. — 18.
Паукъ (Орелъ и) . . . . . — III. — 23.
Паукъ (Подагра и) . . . . — III. — 5.
Паукъ и Пчела . . . . . — VII. — 4.
Пловецъ и Море . . . . . — VI. — 9.
Плотичка . . . . . — VII. — 3.
Пляски (рыбьи) . . . . . — VII. — 21.
Поваръ (Котъ и) . . . . . — III. — 16.
Подагра и Паукъ . . . . . — III. — 5.
Поэтъ (Богачъ и) . . . . . — VII. — 15.
Пожаръ и Алмазъ . . . . — IV. — 19.
Похороны . . . . . — VI. — 19.
Прихожанинъ . . . . . — VII. — 25.
Прохожіе и Собаки . . . . — II. — 13.

Прудъ и Рѣка	Книга	IV.	Баснь	10.
Пустынникъ и Медвѣдь . .	——	I.	——	22.
Пчела (Муха и)	——	VII.	——	10.
Пчела и Мухи	——	VI.	——	21.
Пчела (Орелъ и)	——	II	——	19.
Пчела (Паукъ и)	——	VII.	——	4.
Пѣтухъ и жемчужное зерно	——	I.	——	10.

Р.

Работникъ (Крестьянинъ и)	——	II.	——	22.
Разбойникъ (Крестьянинъ и)	——	IV.	——	12.
Разбойникъ (Сочинитель и) .	——	VI.	——	1.
Разборчивая невѣста . .	——	I.	——	11.
Раздѣлъ	——	II.	——	11.
Ракъ (Лебедь, Щука и) . .	——	IV.	——	7.
Роща и Огонь	——	I.	——	16.
Ручей	——	II.	——	16.
Ручей (Водопадъ и) . . .	——	VI.	——	7.
Рыбьи пляски	——	VII.	——	21.
Рыцарь	——	V.	——	10.
Рѣка (Крестьяне и) . . .	——	IV.	——	20.
Рѣка (Прудъ и)	——	IV.	——	10.

С.

Сапожникъ (Откупщикъ и) .	——	III.	——	2.
Свинья	——	III.	——	22.
Свинья подъ дубомъ . . .	——	VII.	——	9.
Синица	——	II.	——	3.
Скворецъ	——	IV.	—	17.
Скворецъ (Котенокъ и) . .	——	VII.	——	22.
Скупой	——	VII.	——	18.
Скупой и Курица	——	VI.	——	3.
Слонъ въ случаѣ	——	V.	——	17.
Слонъ и Моська	——	III.	——	11.

Слонъ на воеводствѣ . .	Книга	III.	Баснь	8.
Служанки (Госпожа и двѣ) .	——	V.	——	5.
Смерть (Крестьянинъ и) .	——	III.	——	4.
Собака	——	IV.	——	8.
Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ	——	V.	——	15.
Собаки (двѣ)	——	VII.	——	23.
Собаки (Овцы и)	——	VI.	——	13.
Собаки (Прохожіе и) . . .	——	II.	——	13.
Собачья дружба	——	II.	——	25.
Совѣтъ Мышей	——	III.	——	14.
Соловей (Кошка и) . . .	——	VII.	——	24.
Соловей (Оселъ и) . . .	——	III.	——	7.
Соловьи	——	VII.	——	16.
Сочинитель и Разбойникъ .	——	VI.	——	1.
Старикъ и трое молодыхъ .	——	I.	——	18.
Стрѣкоза и Муравей . . .	——	I.	——	23.
Сурокъ (Лисица и) . . .	——	II.	——	17.
Сходка (мірская)	——	IV.	——	15.

Т.

Топоръ (Крестьянинъ и) . .	——	V.	——	12.
Тришкинъ кафтанъ . . .	——	IV.	——	11.
Троеженецъ	——	II.	——	8.
Трость (Дубъ и)	——	I.	——	3.
Трудолюбивый Медвѣдь . .	——	VI.	——	22.
Туча	——	V.	——	13.
Тѣнь и Человѣкъ	——	V.	——	11.

У.

Уха (Демьянова)	——	II.	——	24.

Ф.

Философъ (Вельможа и) . . Книга II. Баснь 10.
Философъ (Огородникъ и) . —— III. —— 17.
Фортуна въ гостяхъ . . . —— V. —— 21.
Фортуна и Нищій . . . . —— III. —— 1.

Х.

Хмѣль . . . . . —— V. —— 3.
Хозяинъ и Мыши . . . . —— III. —— 10.

Ц.

Цвѣты . . . . . —— IV. —— 13.

Ч.

Червякъ (Мальчикъ и) . . —— VI. —— 17.
Человѣкъ (Собака) Кошка и Соколъ. —— V. —— 15.
Человѣкъ (Тѣнь и) . . . . —— V. —— 11.
Червонецъ . . . . . —— II. —— 5.
Чижъ и Голубь . . . . —— V. —— 2.

Щ.

Щука и Котъ . . . . . —— II. —— 20.
Щука (Лебедь) и Ракъ . . —— IV. —— 7.

Ю.

Юпишеръ (Лягушка и) . . —— V. —— 19.

Я.

Ягненокъ . . . . . —— VI. —— 24.
Ягненокъ (Волкъ и) . . . —— I. —— 12.